
ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПЕРВОМАЕМ,
ДОРОГИЕ
ДРУЗЬЯ!

МАЙ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

Рисунки Херлуфа Бидструпа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 18 (1819)

29 АПРЕЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

От имени народа

С разных концов страны собирались избранники народа в весеннюю Москву. В древнем Кремле работала первая сессия Верховного Совета СССР шестого созыва.

Важнейшие государственные дела решала сессия: образование правительства СССР — Совета Министров, избрание Верховного Суда СССР. Депутаты Верховного Совета обсуждали также вопрос о выработке проекта новой Конституции СССР.

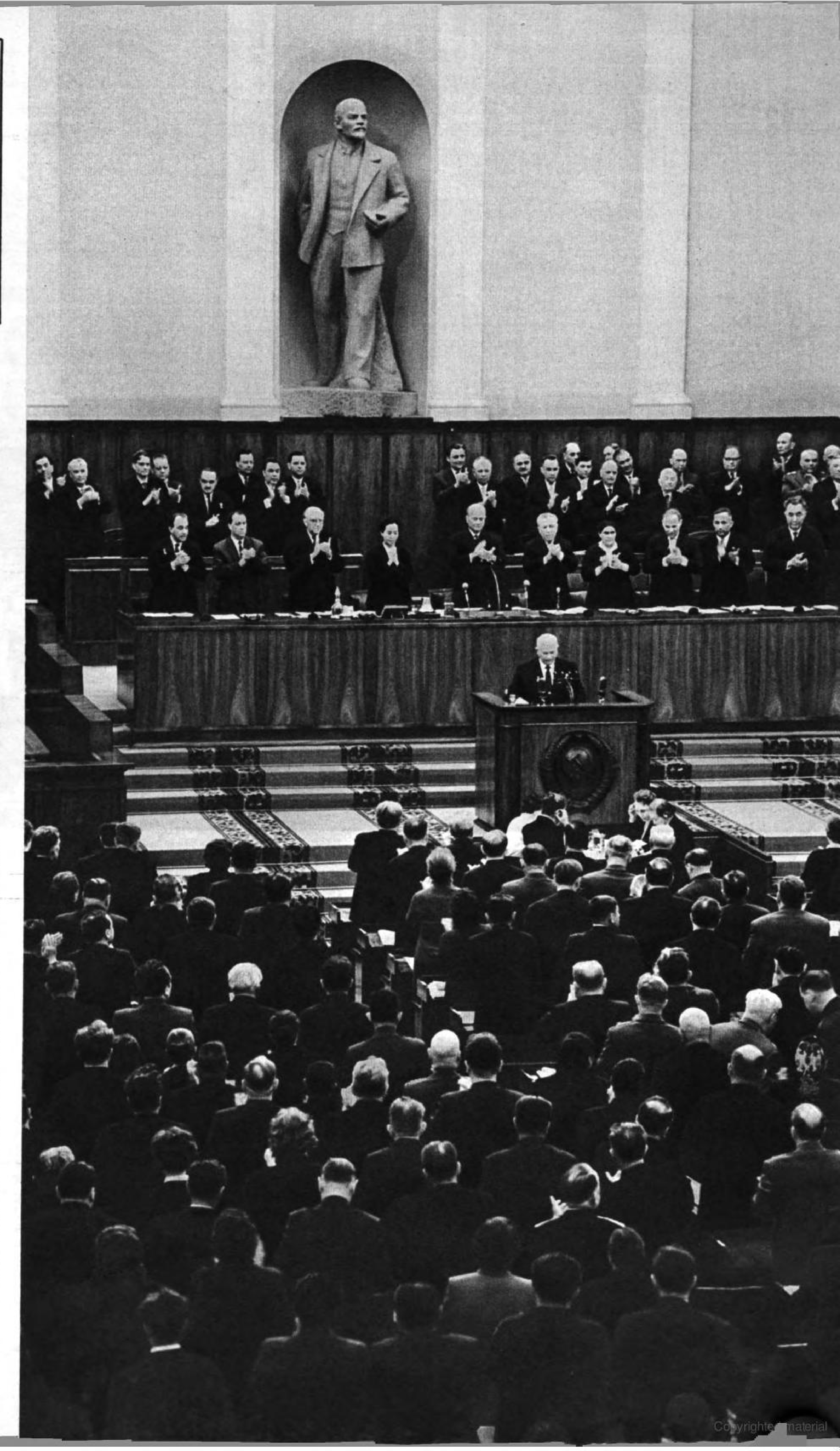
Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик избрал Президиум Верховного Совета СССР. Председателем Президиума избран депутат Л. И. Брежнев.

Верховный Совет СССР единодушно одобрил деятельность Советского правительства, возглавляемого Н. С. Хрущевым.

Председатель Совета Министров СССР депутат Н. С. Хрущев предложил состав нового Советского правительства. Верховный Совет единогласно утвердил состав нового Советского правительства во главе с Н. С. Хрущевым. Затем сессия утвердила состав Верховного Суда СССР.

Сессия проходила в обстановке большого общенародного подъема. Всего полгода прошло с тех пор, как в Москве закончил свою работу исторический XXII съезд КПСС. А сколько замечательных дел свершено за это время! Работники промышленности перевыполнили плановые задания. Колхозники и работники совхозов ведут весенний сев, закладывая надежную основу урожая. Больших успехов добилась советская наука, техника, культура — об этом неопровержимо свидетельствуют выдающиеся достижения, которые отмечены Ленинскими премиями 1962 года.

Наша партия еще ближе сроднилась с народом. Открывая сессию Совета Союза, старейший депутат А. Е. Арбузов произнес знаменательные слова, выражающие мысли всего нашего народа: «Политика Коммунистической партии пользуется безграничным доверием и горячей поддержкой всех советских людей».

На снимке: Заключительное заседание. Выступает Н. С. Хрущев.

Фото А. Гостева.

Москва. Большой театр СССР. 22 апреля 1962 года. В президиуме торжественного заседания, посвященного 92-й годовщине со дня

Народы Советского Союза, народы социалистического содружества, передовые люди всего мира отметили 92-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

22 апреля в столице нашей Родины — Москве, в Большом театре Союза ССР, состоялось торжественное заседание. В зале присутствовали рабочие, деятели науки и культуры, колхозники, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, зарубежные гости.

В президиуме — товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, В. В. Гришин, Ш. Р. Рашидов, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе,

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Классовые бои потрясают страны капитализма. Вести об этом приходят со всех континентов. В Японии пять с половиной миллионов рабочих начали традиционную кампанию «весеннего наступления». Японские шахтеры провели внушительную демонстрацию перед зданием парламента. На снимке, полученном нами от агентства Джапан Пресс,— жены горняков. Вместе с мужьями они прошли по улицам Токио, заявив о твердой решимости бороться за труд, за хлеб, за свои права.

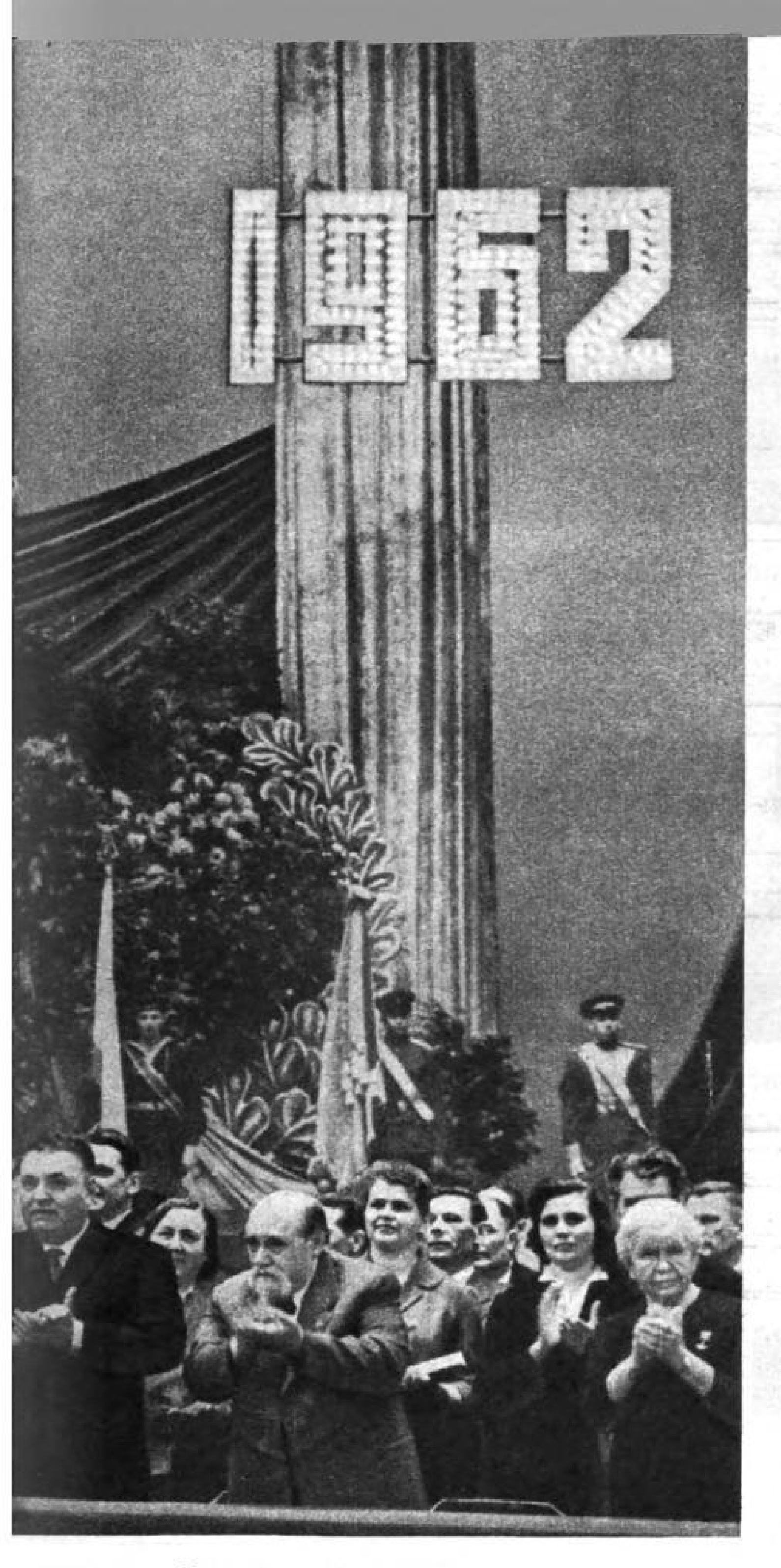

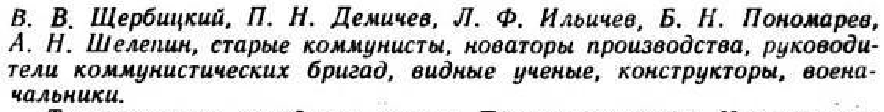

Почти месяц у берегов Испании и Португалии, между Лисабоном и Гибралтаром, проходили крупные военно-морские маневры НАТО. В маневрах, которым было дано кокетливое название «Утренний бриз», принимали участие десятки военных кораблей и самолетов Англии, Франции, Голландии и других государств — членов агрессивного североатлантического блока.

Изо дня в день в печати стран НАТО публикуются сообщения о новых и новых жертвах безудержных военных приготовлений. На снимке, взятом из английского журнала «Сфир», вы видите дымящиеся руины фермерского дома в местечке Стьюбтон, Линкольншир. В этот дом врезался бомбардировщик британских ВВС. Две женщины, находившиеся в комнатах, и два летчика из экипажа самолета погибли.

рождения Владимира Ильича Ленина.
Фото Е. Умнова.

Тысячи москвичей и гостей столицы пришли в этот день, 22 апреля, на Красную площадь к Мавзолею Владимира Ильича Ленина.

Старые коммунисты направляются с венком к Мавзолею В. И. Ленина.
Фото Т. Мельника.

В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев, А. Н. Шелепин, старые коммунисты, новаторы производства, руководители коммунистических бригад, видные ученые, конструкторы, военачальники.

Торжественное заседание открыл Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. «Идеи Ленина,— сказал он,— идеи марксизма-ленинизма всегда будут жить в наших сердцах, в сердцах всех трудящихся, вдохновлять на борьбу за светлое будущее человечества — коммунизм».

С докладом «Ленинским курсом к победе коммунизма» выступил секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. Ф. Ильичев.

←
Новые профессии успешно осваивает молодежь свободной Ганы. Эта девушка из Аккры решила стать механиком.

Шахматный мир с огромным интересом ждет турнира претендентов на матч с Михаилом Ботвинником. Как известно, турнир будет проходить на Кюрасао, одном из Антильских островов. Почтовое ведомство Нидерландской Вест-Индии выпустило специальную марку. Обратите внимание на крестик в районе Карибского моря — там и расположен «шахматный» остров.

Этот снимок сделан год назад в Алжире, во время путча ультраколониалистов. Взгляните, как горделиво вышагивают главари мятежников: генералы Зеллер, Жуо, Салан и Шаль. Они хотели залить кровью Алжир, терроризировать Францию и установить свои фашистские порядки. Опираясь на кучку профессиональных убийц, они думали поставить на колени алжирский и французский народы. Бредовая затея! Сегодня Зеллер и Шаль коротают свои дни в тюрьме, приговоренные к 15 годам заключения, Жуо за свои преступления осужден на казнь. 20 апреля во время облавы в Алжире арестован «фюрер» оасовских бандитов — Рауль Салан. Общественность Франции и Алжира требует: «Смерть убийце!»

ЛАУРЕАТЫ ЛЕН

Л. Д. ЛАНДАУ. Е. М. ЛИФШИЦ.

Премия присуждена за серию книг по теоретической физике.

Л. С. ПОНТРЯГИН. В. Г. БОЛТЯНСКИЙ. Р. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ. Е. Ф. МИЩЕНКО.

Премия присуждена за цикл работ по обыкновенным дифференциальным уравнениям и их приложениям к теории оптимального управления и теории колебаний.

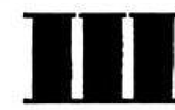
Д. И. АЗАРЬЕВ. С. С. РОКОТЯН. В. В. БУРГСДОРФ. В. А. ВЕРШКОВ.

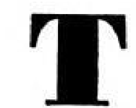
Премия присуждена за создание линий электропередачи 500 кв. переменного тока.

К. С. СИЛИН. В. И. КАРПИНСКИЙ.

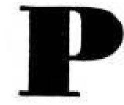
Премия присуждена за разработку и внедрение в строительство бескессонных фундаментов глубокого заложения из сборного железобетона.

ШТУРМ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Нет готовых дорог, ведущих к сияющим вершинам познания. Образ науки, прокладывающей крутые тропы ради счастья и достатка людей, счастья, в которое необходимейшей частью входит страсть истины,— этот образ принадлежит одному из самых проникновенных мыслителей — Карлу Марксу.

Классики марксизма высказали замечательное предвидение о наступлении эры синтеза многих наук. Этим единением научных дисциплин, познающих единую природу, ознаменован переход человечества к новым общественным отношениям — таким отношениям, которые освобождают творческий разум от покушения мелкой корысти, придают ему крылья для беспрепетного полета ввысь. Это пророчество отличалось от многих других предсказаний тем, что впервые было основано на строгом научном анализе. Среди буржуазных ученых Запада считается хорошим тоном говорить об «устарелости» Маркса. Однако что может быть лучшим доказательством истинности предвидений, чем то, что они сбываются?..

Наряду с другими праздниками, которые отмечают знаменательные вехи человеческого бытия, в нашу жизнь прочно вошло традиционное ежегодное торжество науки и искусства, когда лучшие работы ученых, лучшие произведения литературы и наиболее выдающиеся проявления созидающего и исполнительского мастерства в области искусства награждаются премиями, носящими имя одного из величайших гуманистов всех времен — Владимира Ильича Ленина.

Ежегодное торжество рождается в ежечасных буднях. Годичный отрезок — очень малый срок и для роста научных идей и даже для созревания поэтического замысла. И в ту пору, когда утверждался сам статут Ленинских премий, мы были готовы к тому, что наука и неразрывно связанная с ней техника не будут представлены в каждое очередное награждение как сплошной, равномерный фронт. Высказывали справедливые суждения о том, что в каждый исторический период появляются преимущественные участки особо интенсивного роста науки. Эти «точки роста» определяются задачами создания высшей техники, обеспечивающей непрерывное возрастание и совершенствование социалистического производства для наиболее полного удовлетворения непрестанно растущих потребностей советских людей. Здесь вырывается вперед физика, которую недаром называют «техникой завтрашнего дня», и химия с ее чудесным умением создавать материалы по своеобразным «химическим чертежам», и биология, раскрывающая механизмы жизни во имя жизни и во имя той же техники, которая охотно перенимает у природы ею же созданные эффективные механические и химические процессы.

Все это так. Однако социалистическая действительность внесла существенные поправки в эти осторожные соображения. Наши идейные противники за рубежом склонны преувеличивать влияние, которое оказывает на судьбу человеческого общества бурное развитие естественных наук, и преуменьшают значение общественных. В этом существенно погрешил даже такой проницательный мыслитель, как профессор Дж. Томсон в своей известной книге «Предвидимое будущее». Мы тоже видим в науке, особенно в ее естествоведческом крыле, новую могучую производительную силу общества, но это не отвлеченное умозаключение, а программное положение. Это предстоящий итог общественных усилий, организованных и целенаправленных великой Программой коммунистического строительства.

Нельзя планировать открытия. Сегодня они относятся еще к области неведомого. Но можно направлять поиски. Когда первый искусственный спутник Земли прочертил свою триумфальную орбиту, это было неожиданностью для всех. Но если за рубежом Советской страны эта неожиданность воспринималась как откровение, разрывающее пелену дезинформации и лжи, которой окутывалась научная жизнь Советского Союза, то в пределах нашей страны это — одно из величайших событий современности — ощущалось уже как «неожиданность ожидаемая». Никто, кроме небольшой группы посвященных, не мог бы предсказать точную дату великого свершения. Но поиски шли, работали институты, трудились заводы, готовились люди, рассчитывались орбиты. Вполне естественно, что эти целеустремленные усилия не могли не принести ожидаемого результата. Тот, кто ищет, в особенности если его поиск в достаточной степени оснащен, всегда найдет.

Целеустремленная концентрация усилий на важнейших, наиболее перспективных направлениях и умение не навязчиво координировать выдающиеся научные

И Н С К И Х   П Р Е М И Й

М. В. ПОСОХИН.

А. А. МНДОЯНЦ.

Г. Н. ЛЬВОВ.

А. Н. КОНДРАТЬЕВ.

Е. Н. СТАМО.

П. П. ШТЕЛЛЕР.

Премия присуждена за проектирование и строительство Кремлевского Дворца съездов.

П. У. БРОВКА.
Премия присуждена за книгу стихов «А дни идут...»

Э. Б. МЕЖЕЛАЙТИС.
Премия присуждена за книгу стихов «Человек».

К. И. ЧУКОВСКИЙ.
Премия присуждена за книгу «Мастерство Некрасова».

Э. Г. ГИЛЕЛЬС.
Премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

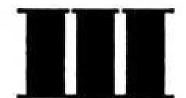

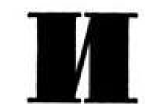
Л. Е. КЕРБЕЛЬ.
Премия присуждена за памятник Карлу Марксу в Москве.

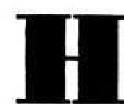

В. А. ФАВОРСКИЙ.
Премия присуждена за иллюстрации к классическим произведениям русской литературы.

В Е Р

работы,— пожалуй, одно из наиболее ярко выраженных преимуществ социалистической системы хозяйствования. Работы, удостоенные очередных Ленинских премий, весьма наглядно иллюстрируют эти преимущества.

Если вдуматься в перечень удостоенных высоких премий наиболее выдающихся работ года по науке, мы обнаружим, что все они оказываются в фарватере самых передовых тенденций современного естествознания и техники. Разумеется, в этом перечне мы не найдем всех ведущих направлений науки, но если проанализировать премии, полученные отдельными учеными и коллективами изыскателей в области науки и техники за несколько лет, то можно прийти к интересному выводу. Этот перечень по своей тематике и результатам непосредственно отвечает генеральным направлениям научного и технического развития современности. Это глубоко закономерный результат тех организованных усилий, которые страна прилагает для планомерного развития науки и техники.

В самом деле, высокой награды удостоены «впередсмотрящие», главный отряд ученых, познающих коренные, фундаментальные законы естества.

Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшиц удостоены премии как авторы оригинальных монографий, освещающих различные области теоретической физики. Здесь «Теория поля», «Квантовая механика», «Статистическая физика», «Механика сплошных сред», «Электродинамика сплошных сред», а за этими книгами — непрестанная поисковая штурманская работа теоретиков. Создавая математические гипотезы истолкования явлений, которые подчас не поддаются экспериментальному исследованию, физики-теоретики осуществляют своеобразный мыслительный эксперимент. Но это отнюдь не голое умозрение; где-то, в какой-то точке их выводы обязательно пересекаются с практикой, и здесь-то может забить ключ поразительных открытий. Так случалось не раз. В теоретических обобщениях лауреатов представителей науки, как в туго свернутой пружине, запасена огромная энергия новых смелых рывков в неизнаемое.

Для широкого читателя странным шифром кажется другая примечательная группа работ, озаряющих светом теории пути развития новой области техники. «Цикл работ по обыкновенным дифференциальным уравнениям и их приложениям к теории оптимального управления и теории колебаний» — так скромно выглядит вымпел еще одного крутого восхождения на очередную вершину, проделанного группой математиков во главе с Л. С. Понтрягиным, В. Г. Болтянским, Р. В. Гамкрелидзе и Е. Ф. Мищенко. Два слова — «оптимальное управление» — дают нам ключ к пониманию значения этих работ. Наша эпоха коренным образом изменила классификацию средств труда. К машинам-двигателям и машинам-орудиям она добавила управляющие машины. Сейчас они по большей части работают по жестким заданиям, но на наших глазах рождаются новые виды управляющих машин, которые самостоятельно взвешивают показания сигнальных приборов и мгновенно решают сложнейшие инженерные задачи, безошибочно находят условия оптимального ведения того или иного процесса, при котором максимум результатов получается при минимуме затрат. А ведь это—основное условие ведения не только отдельных технологических процессов, но и всей нашей экономики.

Нет возможности в короткой статье продолжить перечень удостоенных высокой награды научных свершений. Каждое из них содержит в себе остро актуальный замысел, и для каждого характерна смелая широта в постановке исследовательской задачи. Эта же масштабность — знамение коммунистической эпохи — отличает отмеченные премиями работы в области техники — будь то «акустическое чудо» — Дворец съездов или подвиг нефтяников, коренным образом усовершенствовавших методы нефтедобычи.

Ленинские премии представляют собой яркое выражение светлой, гуманистической воодушевленности и человечности научного труда. Здесь мы не разделяем собственно науку от техники, всецело опирающейся в своем развитии на передовые научные достижения. Ежегодное присуждение Ленинских премий по науке с каждым годом приобретает все больший резонанс во всем мире. Такова исторически обусловленная неизбежность, ибо генеральной перспективой строительства материально-технической базы коммунистического общества перед страной поставлена задача в ближайшем будущем догнать, а затем и превзойти производственные достижения наиболее развитых стран мира. Это процесс интенсивного развития; его можно реализовать, опираясь не на общеизвестные научные положения, а на самобытное и опережающее развитие науки.

Перед учеными Советской страны партией поставлена воодушевляющая задача: выйти на первое место в мире по решению тех научных проблем, которые сегодня еще граничат с фантастикой. И мы знаем: так и будет!

1913 год. Наборная «Правды». В центре — В. А. Приходько.

ПОМНЮ, КАК НАЧИНАЛОСЬ...

В. А. ПРИХОДЬКО,

метранпаж «Правды» в 1912—1914 годах

День выпуска первого номера «Правды» был самый будничный. Никаких особенных торжеств. Вспомнить сейчас, через полвека, что это был за день — солнечный или пасмурный, теплый или холодный,— я не могу. Зато помню товарищей моих, с которыми мы работали над первыми номерами. Помню, как вообще начиналась наша «Правда».

Трудно, конечно, начиналась. Царская охранка, как известно, не очень-то нас жаловала. Бывало, придут ночью жандармы, все перероют, разбросают. Обычно ничего не находили. Отправлялись восвояси злые.

Техника, разумеется, тогда у нас была дрянная. Слезы одни, а не машины! Материал я получал из редакции обычно написанный от руки. Набирали его. Верстали номер. В типографии работали четырнадцать человек — народ задорный и усатый. Усы тогда были в моде.

А от репрессий у нас имелось много всяческих средств. Очень здорово помогал Н. Г. Полетаев — большевик, депутат Государственной думы. Но был у нас еще один покровитель, с которым по силе не мог сравниться никто. Это русский рабочий класс. Очень часто мы набирали и заверстывали в номера списки поступивших взносов и пожертвований для издания нашей газеты.

Была в редакции одна комната, днем там сидели корректоры, а по вечерам собирались рабочие-корреспонденты. Приносили заметки или просто рассказывали о новостях. Тут же иногда, присев в уголке, закусывали. Спорили, разговаривали о всяких житейских вещах. Короче говоря, вели себя, как дома.

Очень любили нас мальчишки-газетчики. Им частенько запрещали брать «Правду», но они охотно брали. Не потому, что была в них высокая сознательность. Скорее наоборот. Их толкали на это меркантильные соображения: «Правду» раскупали быстрее, чем любую другую газету. И вот этот, как мы сейчас говорим, пережиток капитализма нас тогда очень радовал. Читают нашу «Правду»! Боятся нашей «Правды» и любят ее!

В то время успех «Правды» во многом определяла работа типографии. Только от нашей расторопности порой зависело, получат рабочие очередной номер своей газеты или нет. И на этот счет у нас была детально разработанная программа действий.

Как только заканчивалась работа над всеми страницами газеты, мы должны были посылать их цензору. И тут главной фигурой становился курьер. Об этом уже упоминалось в «Огоньке». Я расскажу подробнее о нашем курьере. Звали его у нас просто: дядя Матвей или дед Матвей. Было ему лет семьдесят.

Цензура находилась от типографии недалеко. Ходьбы туда минут двадцать. Дед Матвей важно брал свежие страницы и отправлялся в путь. Шел он медленно, останавливался поговорить со знакомыми. Через час, а то и через два дед Матвей наконец добирался до цензора.

А в типографии в это время работа шла на полный ход. «Правда» выходила раньше других газет. Поэтому в типографии печатать начинали ее первой. Рядом с нашими древними машинами стояла новейшая немецкая. Тогда она нам казалась чудом, чем-то сверхъестественным. Давала она пятнадцать тысяч номеров в час. Печатали на ней буржуазную газету «День». Так вот мы повадились первую часть тиража выпускать на этом чуде. Хозяин типографии не возражал. Да ему и не выгодно было возражать.

Пока дед Матвей совершал свой моцион, мы успевали отпечатать тысяч двадцать номеров.

Дед Матвей, несмотря на свои годы, отличался великолепным слухом. В то время для курьера «Правды» это было совершенно необходимо. Он усаживался в коридоре около самых дверей цензора, закрывал глаза, будто дремлет. А сам был весь внимание. Если цензор, прочитав «Правду», брался за другую газету, дед Матвей с тем же завидным спокойствием отправлялся обратно. Но если — а так бывало весьма часто — цензор звонил по телефону и приказывал конфисковать очередной номер «Правды», деда как ветром сдувало. Он выскакивал на улицу, ловил извозчика (для этого у него всегда были специально выделенные деньги) и мчался в типографию.

Там его уже ждали. На улице перед типографией прохаживался дежурный. Как только в конце улицы появлялся курьер, дежурный входил к нам и говорил одно из двух слов: «идет» или «скачет». На первое слово никто не обращал внимания. Зато если звучало второе, почти все бросали свои дела: принимались спасать отпечатанный тираж. Его или срочно вывозили, или прятали где-нибудь поблизости.

Через некоторое время приезжали жандармы. Для них мы всегда оставляли несколько десятков экземпляров. Они уходили с чувством выполненного долга. А утром на заводах рабочие читали свежий номер «Правды».

Как ни билась охранка, но наша газета все-таки выходила. Чего они только не делали: и шпики-то вокруг типографии вились день и ночь, и провокаторов к нам засылали, и сажали наших работников в тюрьмы!..

А к отсидкам многие даже как-то привыкли. Это было в порядке вещей. Была даже специальная должность для такого случая — ответственный редактор. Их было у нас много. Одного посадят — на его место приходит другой. Ответственные редакторы обычно никакого участия в подготовке номеров не принимали. Они только подписывали страницы.

Однажды был такой случай. Один наш товарищ что-то стал немного выпивать. Мы ему посоветовали записаться «ответственным». Мол, попадешь в тюрьму — отвыкнешь. Он посмеялся, но согласился. Жандармы не заставили себя долго ждать. Отправили нашего приятеля в тюрьму. И это сыграло довольно серьезную роль в его перевоспитании.

Названий у газеты было много: «Рабочая правда», «Правда труда», «Путь правды» и т. д. В тот день, когда газета выходила под новым заголовком, мы уже готовили следующий. После каждого закрытия «Правда» внешне немного изменялась. Но только внешне. Содержание оставалось одним и тем же. И авторы были одни и те же — рабочие. И самый дорогой и любимый из корреспондентов — Ленин.

Литературная запись О. КУПРИНА

НА СТАРОМ ЗАВОДЕ

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

В апрельский синий день, под вой
снарядов
и ошалелых пуль фашистских свист,
мне рассказал об этом, лежа рядом,
в сырой траншее старый журналист:
— Товарищ Ленин зорок был на диво.
Известно всем, кто помнит Ильича,
бывало, наблюдателей ретивых
он во мгновенье ока замечал.
В Москве, в двадцатом, он заметил тотчас:
куда бы ни поехал, ни пошел,
за ним повсюду кто-то ходит молча,
одет неплохо и нехорошо...
Он знал, конечно, о своей охране,
сердился: «Иль других у них нет дел?»
И на заводе раз после собранья
на незнакомца строго поглядел
и вдруг спросил: — Товарищ, вы откуда?
Меня не проведете. Я хитер.
Зачем за мною ходите повсюду?
Тот тихо отвечал: — Я репортер,
правдист.
— Тогда за резкость извините.
(Улыбкой под усами дрогнул рот.)
Я думал, новый мой телохранитель.
Дзержинского хотел взять в оборот.
Собранье было в цехе, после смены.
Шли по пролету медленно они,
смотрели на продымленные стены,
на приводные черные ремни.
Наказывал Ильич: — Прошу собрата
в отчетах меньше в облаках парить
и помнить, что газета наша «Правда» —
в ней только правду нужно говорить.
— Стараюсь,— молвил репортер
смущенно,—
да нынче на собранье опоздал,
Остановился Ленин возмущенный:
— Товарищ, это форменный скандал.
Везде поспеть газетчик должен к сроку.
Вам надо дать жестокий нагоняй!
— Что делать было?.. Не хватило току.
На рельсах стал как вкопанный, трамвай.
Я торопился, сколько сил достало.
Да вот...
Ильич из-под нависших век
вгляделся. Перед ним стоял усталый,
в худых ботинках, тощий человек.
— Что ж, дам я матерьял вам для отчета.
Здесь шел о дисциплине разговор...—
Исчеркал живо все листки блокнота
вспотевший от волненья репортер.
Сказал Ильич: — Хоть мало мы знакомы,
придется вам с запиской от меня
сходить к управделами Совнаркома.
Получите пролетку и коня.
Довольно вам сбивать свои подметки,
носиться из конца в конец Москвы.
Отныне ездить будете в пролетке
и не зависеть от трамвая вы.

Рассказ, в который сердцем я поверил,
на днях старик рабочий заводской
мне повторил почти дословно в сквере
под ленинской простертою рукой.

Рассказ

Если подойдет...

Софья ВИНОГРАДСКАЯ

Почтовые бандероли с французскими марками. Адрес редакции выведен аккуратно латинскими и русскими буквами. В бандеролях газеты, свернутые в тугие трубки; русские книги, напечатанные в парижской типографии; журналы с рисунками московских часовенок и деревенских погостов...

Сначала бандероли прибывали в «Правду» от случая к случаю, путями, порой неисповедимыми. Под конец гражданской войны редакция получала их регулярно, в определенные числа.

Это была литература белой эмиграции. Ее выписывали для председателя Совнаркома, для наркоминдела Чичерина, для «Правды», «Известий», РОСТА...

Мария Ильинична не раз вспоминала оглушительный смех, которым «зашелся» Ильич, когда впервые попала ему в руки белоэмигрантская книжка.

На титульном листе он прочитал:

«Книгоиздательство Russkaia Zemlia, rue du Dôme, Paris 16.

Типография Zemgor B-d Raspail, Paris».

— Так вот где их русская земля! — вскричал Ленин.— В Париже! В шестнадцатом аррондисмане Парижа! На рю дю Дом! Восхитительно! А типография Земгор! Сиречь земли и города российские! На бульваре Распай? Прелестно!

Ленин вертел в руках эмигрантскую книжку, листал ее, перечитывал заглавие «Тихая заводь» и смеялся.

— Тихая заводь! Тихая заводь белогвардейская в Париже! Очаровательно! А, кстати, где, где же это они там разместились?

И Надежда Константиновна и Мария Ильинична, знавшие Париж, заключили, что белоэмигранты расположились вблизи двух знаменитых кафе: «Ротонда» и «Дом».

— Там? — смеялся Ленин. Там и х н я я русская земля, города и тихая заводь?!

И он снова листал и перелистывал русскую книгу, отпечатанную в Париже, с буквой ять, твердым знаком.

К тому времени в Париже уже обосновалась газета Милюкова, выходили книги Гиппиус и Мережковского, Тэффи и Аверченко. Они стоили от пяти до пятнадцати франков. Russkaia Zemlia извещала, что «книги высылаются в провинцию и доставляются на дом в Париж. Продаются во всех книжных магазинах Европы».

Врага надо знать. Ленин пригласил к себе литератора Воронского, и Александр Константинович стал его референтом по литературе белой эмиграции.

Маленький, в пенсне, черной косоворотке, несколько смахивающий на семинариста, Воронский дружил с Марией Ильиничной (ей впоследствии посвятил он свою книжку «За живой и мертвой водой»). Ему и принадлежали первые обзоры белоэмигрантской прессы в «Правде».

Вслед за референтом Ленина о литературе белых стала писать вся плеяда большевистских памфлетистов, включая и редакторов «Правды», и Чичерина, и Демьяна Бедного.

Не было в «Правде» часа веселей, чем час появления белой прессы. Редакторы бегали по кабинету, читали во всеуслышание парижскую газету и комментировали ее феерией острот. С эмигрантскими витиями, которые годы и годы пророчили нам гибель ровно через два месяца, в «Правде» расправлялись весело, кратко, молниеносно.

— Все, что стряпают «Последние новости» в Париже, весьма на пользу Москве! — говаривал редактор.

— Белая пресса — наш лучший агитпроп! — веселился Демьян.

— Теперь мои комментарии, как говорится, излишни,— сокрушался шутливо настроенный референт.

— Давайте печатать их у нас. Весьма ценные сотрудники!

— Да, потеснимся, уступим местечко на полосе...

Так летом двадцатого года на страницах «Правды» появилась Тэффи.

Два фельетона белоэмигрантской писательницы «Правда» снабдила единым заглавием: «НАШИ» ЗА ГРАНИЦЕЙ» — и первый фельетон сопроводила предисловием: «Ниже мы перепечатываем целиком и полностью фельетон г-жи Тэффи, напечатанный в № 14 белогвардейской русской газеты «Последние новости», выходящей в Париже под высоким покровительством Клемансо и прочих душителей рабочего класса. Этот фельетон чрезвычайно выпукло рисует настроения буржуазных беженцев, удирающих от русского пролетариата под сень международного капитала. Редакция «Правды» весьма благодарна г-же Тэффи за сотрудничество и выражает надежду, что и впредь эта веселая женщина будет писать такие фельетоны. А мы будем их перепечатывать. Ибо ничто не говорит о грядущей мировой победе пролетариата так убедительно, как тот факт, что наиболее беспечные буржуа хохочут над самими собой на краю своей собственной могилы. Т а к о й «смех сквозь слезы» есть самый верный признак того, что для буржуазии, говоря словами Тэффи, «мировое пространство так плотно набилось и закупорилось, что существовать в нем стало невыносимо».

За этим предисловием следовал фельетон Тэффи «В мировом пространстве»:

«Школа философов-стоиков утверждала, что ни одно произнесенное человеком слово не исчезает и что в мировом пространстве оно живет вечно. Итак, как с тихим отчаянием заметил один из современных нам нефилософов, мировое пространство заполнено человеческой брехней.

Мировое пространство беспредельно. Человеческая брехня — также...

Из Совдепии стали приезжать «очевидцы» все чаще и чаще. Врут все гуще и гуще.

Слушаю их — присяжных поверенных, врачей, инженеров, купцов и банкиров...

Мы узнаем, что Махно, умерший от сыпного тифа, два раза расстрелянный и добровольцами и большевиками, разъезжает на тройке с бубенцами, колокольцами, лентами и позументами и возит в кибитке Михаила Александровича. Так все возит и возит. Потом, говорят, остановится и короновать будет.

А Бахмач опять взят и опять неизвестно кем...

Есть нечего, так что никто ничего не ест. Говядина пятьсот шестьдесят рублей фунт, телятина — девять тысяч с копейками. Но ничего этого достать нельзя...

— А у нас в Питере давно не едят. Не едят, не едят, немножко погодят, да и опять не едят. Итак, значит, ничего в России не едят.

— Как же они живы-то?

— Да уж так... Вообще, больше двух месяцев большевизм не продержится,— убежденно, но скосив глаза в сторону, говорит свежий очевидец.

— Так зачем же вы тогда уехали? Уж переждали бы там. Два-то месяца не переждать.

— ...Для Ленина, говорят, завели специальных мясных быков...

— А разве бывают быки не мясные?

— ...Потом веселятся они... Шампанское льется рекой. Стариков и старух всех уже убили, потому что их бесполезно кормить. Детей едят. Не все, положим, а все-таки...»

«Так вот, любезный читатель,— заключала Тэффи,— если услышишь ты такие подробности... не вспомнишь ли ты о школе стоиков и не покажется ли тебе, что мировое пространство так плотно набилось и закупорилось, что существовать в нем стало невыносимо».

Второй фельетон Тэффи, «Ке фер?», напечатан на другой день. Снова тот же редакционный заголовок: «НАШИ» ЗА ГРАНИЦЕЙ» и сноска:

«Редакция охотно дает место следующему фельетону г-жи Тэффи, так ярко рисующему, чем живет в прямом и переносном смысле современная российская эмиграция».

«Рассказывали мне: вышел русский генерал-беженец в Париже на Пляс де ля Конкорд, посмотрел по сторонам, глянул на небо, на площадь, на дома, на магазины, на пеструю, говорливую толпу, почесал переносицу и сказал с чувством:

— Все это, конечно, хорошо, господа. Очень

даже все это хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?»

За этой присказкой Тэффи следовала сказка о том, как в белой эмиграции «ле рюсы» «разделяются на две категории: на продающих Россию и спасающих ее».

А под конец королева эмигрантского фельетона повторила:

«Посмотрел, значит, генерал по сторонам и сказал с чувством:

— Все это, господа, конечно, хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?

Действительно, ке?»

Эта присказка о генерале, который перемешивает французский глагол «ке фер» с русской частицей «то» и растерянно вопрошает: «Что делать? Делать-то что?», вопрос самой Тэффи «Действительно, ке, что?»,— восхитили всех. И с того летнего дня двадцатого года пошло гулять по Москве советской вот это генеральское недоумение: «Ке фер? Фер-то ке?». В минуты затруднений в редакции восклицали: «Ке фер?» В ответ подхватывали: «Фер-то ке?» И кто-то шутил, что товарищи разделяются на «кеферов» и «фертоков» — одни кеферят, другие фертокают.

Затем дошла очередь до Аркадия Аверченко. Он тоже бежал от русской революции в Париж. В 1921 году Аверченко прибыл в Советскую Россию по почте, бандеролью, оклеенной французскими марками.

«ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ» — так называлась книжка Аверченко ценою в пять франков. С портретом-шаржем Аверченко на желтой обложке. В кровавой рамке господин в пенсне, с кинжалами в руках.

Ленин прочитал новые аверченковские рассказы о себе самом, о Советской власти, об осколках старой России...

Рассказ «Усадьба и городская квартира». «А теперь новая русская «власть» живет не в дедовской помещичьей усадьбе, а в городе: съехали жильцы с квартиры... Переехала сюда «новая власть»... Нет у нее ни мебели, ни ковров, ни портретов предков. На стене, на огромных крюках — ружья, в углу — обрывок израсходованной пулеметной ленты и старые, полуистлевшие обмотки... Никто и не верит в возможность устроиться в новой квартире хоть года на три... Стоит ли?»

Когда Ленин читал этот рассказ, Советская власть уже отмерила четыре года жизни.

А вот рассказ «Русский в Европах»:

«Скажите, совнарком и совнархоз — опасные болезни?

Правда ли, что разбойнику Разину поставили на главной площади памятник?»

Наконец, последний «нож в спину революции» — «Осколки разбитого вдребезги».

Это рассказ о тех, кого революция вышвырнула из золоченого кресла. Ленин делает выписки. Как талантливо изобразил Аверченко этих двух старичков, бывших прежде в силе, славе, богатстве!

Один — бывший сенатор — «был богат, щедр, со связями. Теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды». Другой «был директором огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он приказчик комиссионного магазина и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию».

У Ленина так весело искрился глаз, когда его перо выводило строчку о поношенных дамских капотах. Так вот чем занимаются теперь те, кого пролетариат лишил власти, чинов, денег. Вот как обернулась судьба «бывших»!

Он читал дальше:

«— А помните наши петербургские закаты?

— И не говорите! Не говорите!..

— А тяжелая арка в конце Морской?..

— Ну, скажите, что мы им сделали? Кому мы мешали?»

«— А разве лезло утром кофе в горло без «Петербургской газеты»?

— Да! С романом Брешки внизу! Как это он: «Виконт надел галифе, засунул в карман парабеллум, затянулся «Боливаром», вскочил на гунтера, дал шенкеля и поскакал к авантюристу Петко Мирковичу!» Слова-то все какие подобраны... Хе-хе!

...За что они Россию так?»

Ах, как восхитился Ленин этим аверченковским: «За что они Россию так?» Как взыграла в нем вдруг старая журналистская жилка!

Так возник фельетон Ленина «Талантливая книжка».

«Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко...» — начал Ленин свой фельетон.

Затем с немалым удовольствием отметил: когда Аверченко изображает большевиков, выходит нехудожественно: «Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко!»

Конечно, признается председатель Совнаркома, у большевиков недостатков много во всякой, в том числе и домашней, жизни...

«Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете»,— выговаривает он автору.

Зато, признает Ленин, у Аверченко «с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов...»

«До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде...— иронизирует Ленин.— Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие».

А когда старички сокрушаются: «За что они Россию так?»,— Ленин весело качает головой: «Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне понимают...»

«Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять»,— закончил Ленин свой фельетон.

* * *

Осенний, короткий московский денек. Тихий предсумеречный час. Недолгий час редакционного затишья перед вечерним авралом. Еще не зажигали огней. Еще не вернулись с обеда сотрудники. Только курьерская на посту, секретариат на дежурстве, да партотдел что-то задержался на работе.

В этот тихий час распахивается дверь, и с черного хода входит кто-то в сумрак длинного коридора.

— Ильич! — Молодая сотрудница отступает от неожиданности.— А Марии Ильиничны сегодня нет... И редакторов еще нет!

Сотрудница скрывается в узкой комнате партотдела и неистовым шепотом:

— Надежда Михайловна! Ильич! Тут! У нас!

Заведующая партотделом Н. М. Лукина кладет на желтоватый уральский мрамор чернильного прибора перо. С неизменно сдержанным волнением на милом, выразительном, с крупными чертами лице спешит к Ильичу.

Из-за незакрытой двери сотрудница смотрит и слушает все, что сейчас происходит в коридоре.

— Владимир Ильич?! — Изумление и тихое восклицание в низком голосе.

— А, Надежда Михайловна! Здравствуйте, Надежда Михайловна! Ну, как теперь наше здоровье? А?

Он знает ее еще по Вене, когда она жила там в эмиграции. Знает, что она давно больна.

Она отвечает, а Ленин извлекает из внутреннего кармана рукопись.

— Вот, написал для «Правды».

— Заходите, Владимир Ильич,— приглашает она,— сюда, пожалуйста. Наших, правда, еще нет...

«Наших», то есть редакторов.

— Нет, спешу.— Ленин качает головой и прощается.— Ну, передайте им. Пусть печатают...— И после паузы-улыбки: — Если подойдет...

Затем быстро поднял сильно опущенный козырек и ушел по длинному, все еще не освещенному коридору.

* * *

А 22 ноября в секретариат заходили фельетонисты «Правды», и вновь и вновь возникал разговор о маленьком, в две колоночки, фельетоне на первой полосе.

Мария Ильинична жадно слушала каждого, но при этом поджимала губы, стараясь казаться безразличной.

Тут побывали Демьян Бедный и маленький, в больших роговых очках Михаил Кольцов, уже написавший свою превосходную «Москву-матушку»; и «пара гнедых, запряженных с зарею» — Як. Окунев и А. Сергеев, которые ранним утром уже путешествовали по столице с редакционными заданиями, и другие.

— Ильич у меня, можно сказать, хлеб сегодня отбил. Лучший кусок изо рта утянул.— Демьян стучал тростью.

— Ежели так, сматываю удочки, свертываю паруса.

— А я держу курс на «Известия», лечу вниз («Известия» помещались этажом ниже).

— Нашего полку сегодня прибыло!

Позже всех заглянул в редакцию журналист, писавший в «Правде» изредка и только о меньшевиках Грузии и России. Пришел в секретариат и ничего о фельетоне не сказал.

— Читали? — не выдержала Мария Ильинична.

— Фельетон? Конечно, читал. Ничего... Любопытно... Но... на тройку с плюсом. Не больше. Владимир Ильич умеет похлестче, когда захочет. А этот на три с плюсом.

Все засмеялись, а Мария Ильинична чуть не заплакала от обиды. И дома рассказала Ильичу.

— На тройку с плюсом? — Ленин даже обрадовался.— Так это же очень хорошо! Можно сказать, отлично! Я и не ждал такой отметки. Они там у тебя каждый день фельетонят, а я забыл, когда последний раз этим забавлялся. У них ведь практика какая! Нет, если тройка с плюсом, то я не в обиде. Только, жаль, иначе надо было назвать. Ну, там «Чертова дюжина...» А тройка с плюсом — это отлично!

И Ленин от души посмеялся над эмигрантской дюжиной ножей, над обидой сестры и над полученной отметкой.

Ленин

О Ленине я думаю опять.
О, если б довелось мне увидать,
как первое его тысячелетье
на всех планетах будут отмечать!

И много лет мечта во мне жива:
о, если бы в минуту торжества
какой-нибудь восторженный землянин
исполнил песню на мои слова..

Абдрашит БЕРДЫБАЕВ.

Перевел с киргизского Евгений МАРКИН.

В. Кушнир (Киев). ТРЕМБИТА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Л. Щипачев (Москва). РУССКАЯ БЕРЕЗКА НА ЛУНЕ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «ИСКРЫ»

Л. СТЕПАНОВ

Сначала века внешний вид «Русской улицы», вероятно, изменился очень мало: небольшие дома, окруженные деревьями, щебет птиц, дети, спокойно играющие в стороне от большого движения города. И все-таки Русская улица, а точнее говоря, дом 48 по Руссенштрассе на краю Лейпцига имеет самое непосредственное отношение к важнейшим историческим переменам нашего века. Здесь появилась на свет ленинская «Искра», которой суждено было сыграть роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора при создании великой партии, возглавившей борьбу человечества за коммунизм.

Когда после разгрома фашизма граждане Лейпцига наряду с восстановлением демократических порядков стали восстанавливать культурные учреждения и исторические памятники, оказалось не таким простым делом найти — спустя почти полвека — дом, где были напечатаны первые четыре номера «Искры».

Историки Лейпцига стали разыскивать старых социал-демократов, работавших когда-то в местной газете «Лейпцигер Фольксцейтунг». Было известно, что товарищи из этой газеты помогали русским революционерам, жившим в эмиграции. Историки обратились к мемуарам соратников В. И. Ленина, прежде всего к воспоминаниям Н. К. Крупской, бывшей секретарем «Искры» и первой помощницей В. И. Ленина в период издания газеты в Германии.

Надежда Константиновна вспоминает, что еще в далекой сибирской ссылке В. И. Ленин глубоко продумал, как создать газету, которая должна сплотить разрозненные кружки и группы русских марксистов в единую, боевую, революционную партию. С первых же дней после возвращения из ссылки В. И. Ленин энергично берется за создание газеты. Почти полгода он ездит из одного конца России в другой, чтобы договориться с отдельными организациями, найти нужных сотрудников для редакции, организовать корреспондентскую сеть, изыскать средства для издания газеты, подобрать надежных распространителей «Искры». После огромной подготовительной работы, которую В. И. Ленин проводил с большим риском, находясь под негласным надзором, он выехал в Швейцарию, где находилась группа «Освобождение труда». Разногласия между Лениным и Плехановым едва не привели к их разрыву, но после длительных споров группа «Освобождение труда» согласилась с предложением Ленина. «Искру» решено было издавать в Германии, которая имела общую границу с Россией, что облегчало доставку «Искры» адресатам.

Редакции нужна была типография. Небольшая, не привлекающая внимания, с небольшим числом рабочих, на которых можно положиться. Такая типография нашлась на окраине Лейпцига, в районе Пробстхейде. Она принадлежала Герману Рау, немецкому социал-демократу, редактировавшему рабочую спортивную газету.

Редакция «Искры» должна была приобрести русский наборный шрифт. Купить или привезти его из России было очень трудно и рискованно. В этом отношении Лейпциг был также удачным выбором. Здесь — в центре германской полиграфии — издавались и русские книги, в частности печаталась библия. Постепенно с помощью немецких типографских рабочих удалось собрать русский шрифт, которого первоначально хватало только на две первых страницы газеты. Поэтому набор одного номера и печатание нескольких тысяч его экземпляров требовали в среднем два месяца.

В. И. Ленин был не только создателем газеты, ее идеологом, но и практическим руководителем. Он много писал сам, давал темы для статей, работал с авторами, поддерживал связь с корреспондентами, правил корректуру, изыскивал возможности для отправки «Искры» в Россию.

Кто же набирал «Искру»? Об этом интересном человеке рассказал лейпцигским историкам Пауль Томас, зять Германа Рау, который в 1900—1901 годах был учеником наборщика в типографии своего будущего тестя. П. Томас — в то время пятнадцатилетний подросток,— естественно, не был посвящен в тайну «Искры». Однако он несколько раз встречался с молодым, «молчаливым», по его словам, наборщиком, говорившим на ломаном немецком языке и называвшим себя Вернером. Во время одного короткого разговора Вернер сказал П. Томасу, что он русский студент, а так как в России студенты должны иметь какую-нибудь профессию, то он избрал типографское дело. Описание внешности и характера Вернера совпало с описанием сотрудника «Искры» Иозефа Блюменфельда в воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине. Надежда Константиновна отзывалась о И. Блюменфельде как о хорошем товарище, о человеке, который горячо относился к делу, порученному партией.

Постоянно редакция «Искры» находилась в Мюнхене. В. И. Ленин выезжал в Лейпциг для подготовки первого номера газеты. Для нее он написал передовую «Насущные задачи нашего движения», определяющую цель и направление революционного движения России. Ленин находился в Лейпциге между 14 и 23 декабря 1900 года. Возможно, что в эти дни он заходил в типографию на Руссенштрассе или встречался с Германом Рау, но историками это пока не установлено точно. Известно, что Ленин лично просмотрел все материалы перед сдачей в набор.

Техническая связь редакции с типографией, находившихся в разных городах, поддерживалась, по-видимому, кем-то из сотрудников «Искры». Всего вероятнее это был наборщик «Искры».

Выяснению личности И. Блюменфельда — Вернера помогла фотография, подаренная лейпцигским историкам родственником бывшего депутата рейхстага от социал-демократической партии Карла Пинкау. На фотографии запечатлен молодой человек, русский социал-демократ, который жил на квартире К. Пинкау в Лейпциге осенью 1900 года. На обороте подаренной на прощание фотографии стоит год отъезда из Лейпцига и имя: «Иозеф Блюменфельд».

Пауль Томас не знал, что в типографии Германа Рау печаталась «Искра», но он помог найти дом в Пробстхейде, где полвека назад помещалась типография. Показания П. Томаса были существенно дополнены Максом Пуршвицем — последним из оставшихся в живых рабочим типографии Германа Рау.

Максу Пуршвицу было известно, что И. Блюменфельд набирал нелегальную газету русских социал-демократов, он знал, что печатал ее с большой осторожностью сам Герман Рау. М. Пуршвиц помогал Герману Рау развозить пакеты с «Искрой» по многим почтовым отделениям Лейпцига. М. Пуршвиц успел написать свои воспоминания для газеты «Лейпцигер Фольксцейтунг», рассказав о сотрудничестве немецких социал-демократов и русских революционеров.

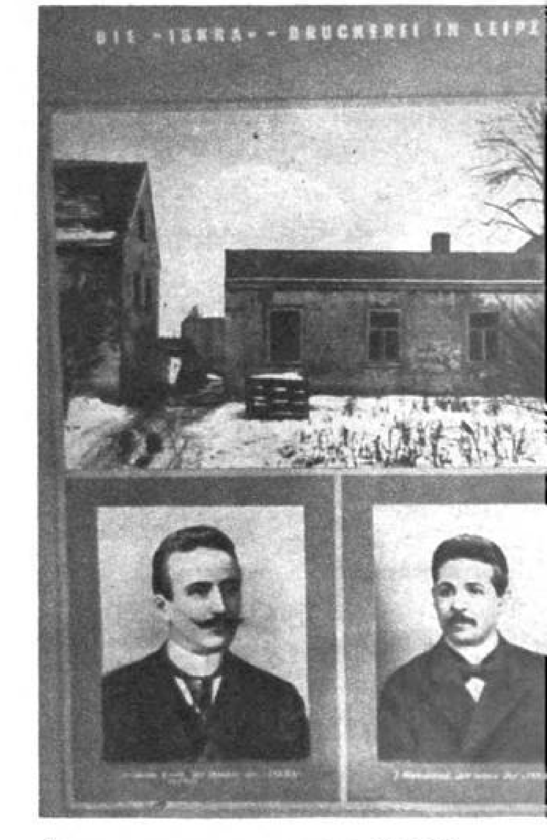
Лейпцигские историки проделали большую и важную работу. Они не только нашли здание первой типографии «Искры», но и оборудовали ее так же, как она выглядела в начале столетия. Удалось даже найти подлинные наборные кассы типографии Г. Рау.

5 мая 1956 года — в День советской печати — в помещении типографии был открыт музей. Рядом построен зал, где экспонируются материалы, рассказывающие об истории создания «Искры».

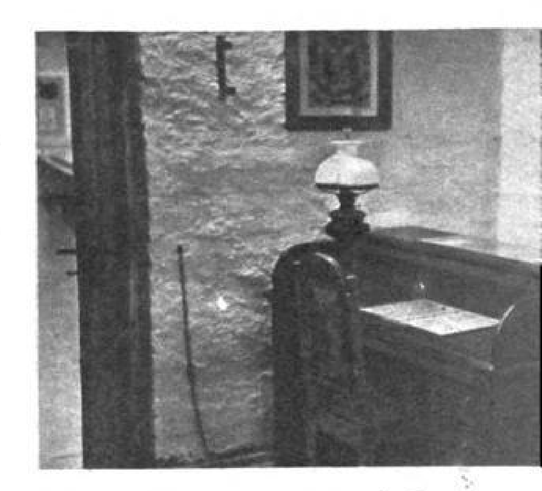
За шесть лет в музее побывали десятки тысяч людей из разных стран. Многие оставили свои записи в книге посетителей. 9 августа 1957 года первую типографию «Искры» посетил Н. С. Хрущев. Осмотрев старое оборудование — ручную печатную машину, маленькие наборные кассы, он заметил: «Началось скромно, а во что вылилось!»

...Во дворе музея, у каменного обелиска с барельефом В. И. Ленина, встретились группы туристов из трех стран, расположенных друг от друга за тысячи километров. Они увезли к себе на родину драгоценный сувенир — свежий первый номер «Искры», отпечатанный в музейной типографии на Руссенштрассе, 48. Повезли, не соблюдая никаких правил конспирации.

Правда, в мире еще есть страны, где для провоза подарка лейпцигского музея понадобится чемодан с двойным дном. Но в мире уже нет таких стран, куда бы за шесть десятилетий не пробились победоносные идеи Ленина.

Здесь появились на свет первые номера «Искры». Слева — печатник Герман Рау, справа — наборщик Иозеф Блюменфельд.

Рабочий стол в типографии Г. Рау.

Русская улица в Лейпциге.

Фото В. Володкина.

Генри Уи

Стефан ГЕЙМ

Темноволосый гигант осторожно ощупывает пол тонкой белой тростью. Большие прозрачные черные глаза смотрят мимо вас. Голова чуть наклонена, словно он прислушивается. Широкая улыбка, непринужденный смех, спокойный, глубокий голос. Генри Уинстон повествует о своем жизненном пути.

Начался он немного больше пятидесяти лет назад, в штате Миссисипи, в маленьком городке Хэттисберг (тогда, в 1911 году, там было десять тысяч жителей, в большинстве негры). Уинстоны были одной из этих негритянских семей, жили в крошечной лачуге, ели маисовый хлеб, тертый горох, редко — мясо; эта «диета» — на девять долларов в неделю — давала им возможность влачить полуголодное существование, да и то потому, что у отца был более или менее постоянный заработок: он работал на лесопилке,— а девушки подрабатывали на уборке хлопка. Это ведь был американский Юг — страна «романтики и традиций» для нежных леди и изящных молодых джентльменов; для миллионов же негров, обитающих там, для этого «низшего слоя» рабочего класса,— не более и не менее, как колония.

Дети познавали прелести угнетения раньше, чем осваивали азбуку, если, конечно, они вообще учились в школе. Они рано узнавали, что означают классовые различия и что такое различия по цвету кожи. И они учились ненавидеть. Год за годом тысячи людей пытаются вырваться оттуда. Уходят они по той же самой старинной дороге, по которой шли некогда в цепях их праотцы-рабы, пока Авраам Линкольн не подписал прокламацию об освобождении и для негров не наступила эпоха «свободного рабства». Дорога ведет к большим городам американского Севера. Первый город на этой дороге — Канзас-сити; одна его часть лежит на территории штата Миссури, другая принадлежит к штату Канзас.

Здесь и сделал первую остановку отец Генри Уинстона. Он явился туда один — что-то вроде разведчика; он рассчитывал сначала устроиться сам, найти работу, собрать немного денег и уж потом вызвать из Хэттисберга жену и шестерых детей. Семья приехала, когда он стал работать на сталелитейном заводе «Шеффильд». Среди детей выделялся Генри, очень рослый для своих лет и сообразительный мальчик. Генри стал учиться. Он говорит теперь, что, если желаешь помочь своему народу бороться с гнетом, надо учиться; это — первое и важнейшее условие.

☆ ☆ ☆

На сталелитейном печи гасли одна за другой. Большой кризис, как чума, расползался по стране, выводя из строя все новые и новые заводы. Рабочих увольняли, они расходились по домам, поначалу не теряя еще надежды; но постепенно она рассеивалась, как дым. Однажды и литейщик Уинстон тоже пришел домой, сел и положил на колени мозолистые черные руки. Жена взяла конверт с последней получкой, и они стали гадать, как жить дальше.

С того дня юноша Генри Уинстон перестал быть школьником. Учителем стала для него жизнь, как и для многих его сверстников — официантов и судомоек в закусочной Дж. Дж. Мак-Дугалла. Он работал там по ночам, пока еще погасли не все печи на заводе и сталевары ночной смены приходили к Мак-Дугаллу позавтракать. Но Мак-Дугалл скоро прикрыл свое заведение: клиентов больше не было. «Университет» Генри Уинстона переместился в Пасео-парк, который в народе прозвали «Конгрессом США на открытом воздухе». Это звучало саркастически, но был здесь и оттенок уважения.

Это было время брожения умов. В парке собирались безработные и те немногие рабочие, которые еще не потеряли заработка. Сидя на скамейках или толпясь на перекрестках парковых дорог, они разговаривали, спорили, удивлялись этому нелепому экономическому строю, при котором столько миллионов умелых рук не находят себе дела. Но нет, тут не только экономический строй. Тут еще эта старая история с цветом кожи. Если ты черный, тебя выгоняют с завода первым, а берут на работу последним. Тут ненависть и рознь, и эту ненависть и рознь всячески разжигают хозяева; оно и понятно: что бы стали они делать, если бы черные и белые рабочие, да еще в такое время, соединились вместе и сказали: «С нас хватит! Так продолжаться не может!»

Расовая ненависть подогревалась и вскипела ключом в дни «дела Скотсборо». Девять юношей-негров предстали перед судом в этом городе, в штате Алабама, по ложному обвинению в изнасиловании двух белых женщин. «Показания» этих женщин, профессиональных проституток, были сфабрикованы полицией, все строилось на подтасованных уликах. И хотя все это было очевидно даже для слепого, власти упорно продолжали судебное разбирательство. В эти дни в Па-

сео-парке Канзаса страсти разгорались все больше.

Молодой Генри Уинстон, высокий, задумчивый, прислушивался к спорам и речам ораторов. Он увидел, что некоторые из них, доказывавшие полную невиновность юношей из Скотсборо, были сами белые. Как могут белые стоять на стороне черных? Генри Уинстон спрашивал себя: что же это за странные, необычные белые? Почему они так близко принимают к сердцу судьбу угнетенных негров, бедных и униженных?

Генри Уинстон подошел к одному из этих белых и задал ему этот вопрос.

— Видишь ли,— ответил белый,— я коммунист.

* * *

Это было в 1932 году. Много позже, через три десятка лет, Генри Уинстон, член Национального комитета Коммунистической партии США, потерявший зрение в американской тюрьме, скажет об этом времени так: «В те давние дни я получил урок, ставший решающим на всю мою жизнь».

Это был плодотворный урок. В нем было все: солидарность и единство всех трудящихся, борьба за их интересы невзирая на расовое различие. Негры, подвергаемые двойному гнету, находили союзников в лице людей другой расы и обретали новую надежду. Они поняли, что великая борьба, которая им предстоит, выше вопросов цвета кожи.

Но это был нелегкий урок для людей, которые с детства росли в атмосфере страха и вынужденного недоверия к белому человеку. Нелегко дался этот урок и Генри Уинстону. Только после того, как ему привелось присутствовать на другом суде — не в Скотсборо, а на товарищеском суде, устроенном коммунистами,— он по-настоящему освободился от своего недоверия, освободился окончательно и навсегда. Член коммунистической партии, белый, был судим товарищами, белыми и черными совместно, за то, что он позволил себе шовинистические антинегритянские высказывания. Он был признан повинным в этом и понес наказание.

Генри Уинстон увидел партию, которая не боится применять строгие меры, вытекающие из ее высоких принципов, даже против собственных членов, белых или черных. В эту партию он поверил.

И он вступил в ее ряды.

* * *

С того времени история жизни человека по имени Генри Уинстон сливается с историей его партии и с судьбами американского народа. Борьба народа и партии становится личным делом Уинстона, их заботы — его заботами, жизнь партии и народа — его жизнью.

Этапы биографии Уинстона читаются как главы истории развития американского рабочего движения нашего времени — это и на самом деле так. Участвует ли он в демонстрациях в Джефферсон-сити, штат Миссури; или шагает в рядах большого «голодного похода» в Вашингтон; или возглавляет шествия трудящихся, направляющихся к губернаторам штатов и мэрам городов; или блестяще опровергает выступления реакционных конгрессменов; или выступает с речами на уличных перекрестках — его борьба всегда была и остается борьбой его класса и его партии. Сходятся безработные, чтобы требовать пособий,— вы всегда встретите там Генри Уинстона. Жильцы решают вступиться за выселяемую домохозяином рабочую семью,— их ободряет горячим словом Генри Уинстон. Негры и белые вместе устраивают демонстрацию протеста против расовой дискриминации,— в рядах демонстрантов вы найдете Генри Уинстона. В Канзасе, в нью-йоркском Гарлеме, в штате Огайо — страна ведь велика и работа многообразна — повсюду Генри Уинстон, могучий телом и щедрый сердцем, отдает себя всего этой работе.

— Я стал профессиональным революционером,— говорит он.

* * *

Начинался период героической борьбы американского рабочего класса и его небольшой, но мужественной коммунистической партии. Это период организации неорганизованных. Рабочие металлургической, автомобильной, электротехнической промышленности, которых до того отдавали на милость хозяев аристократические цеховые профсоюзы, миллионами стали вступать в ряды организованного рабочего класса. И уступки, вырванные в упорной борьбе с капиталистами, придали совершенно новый облик всему профессиональному движению Соединенных Штатов.

В этой великой тяге рабочих к организации люди, подобные Генри Уинстону, американские коммунисты, сыграли видную роль. Они мужественно противостояли хозяйским шпионам, штрейкбрехерам, полицейскому террору. Они подвергались избиениям, их сажали в тюрьмы за то, что они звали рабочих вступать в ряды новых производственных профсоюзов. Они неустанно готовили тот день, когда рабочие смогут сказать хозяину: «Ладно, теперь мы организованы. Теперь садитесь с нами за стол, будем вести переговоры о более высоких заработках, о лучших условиях работы, оплачиваемых отпусках, охране труда и безопасности, о признании нашего профсоюза». Вместе с новыми профсоюзными вожаками американские коммунисты играли ведущую роль в больших стачках 30-х годов, когда рабочим в этой борьбе удавалось ставить хозяев на колени. Американские коммунисты — и Генри Уинстон в их числе — боролись на передовых рабочих позициях и нередко доводили дело до победы.

«Американский рабочий класс не забыл этого,— говорит Уинстон.— Он помнит и о том, как мы поднимали народ на борьбу против мирового фашизма. Вся нынешняя кампания против Коммунистической партии США, включая и преследования по «закону Маккарэна», имеет целью стереть все это из памяти рабочих, наложив на нашу партию клеймо «иностранной агентуры». Но нет, мы плоть от плоти и кровь от крови американского рабочего класса! И мы доказали это тысячу раз в тысячах классовых битв!..»

* * *

Уинстон тоже доказал это — доказал и как солдат в войне против гитлеровского фашизма. Но — какова ирония! — человека, который посвятил жизнь борьбе с расовой дискриминацией и сегрегацией, зачислили в «особую негритянскую часть»! Его подразделение грузило баржи в Южной Англии и выполняло прочую черную работу. Участвовать в боях им не разрешалось. Для Генри Уинстона, как и для многих подобных ему, война была борьбой на два фронта: против германских фашистов и против фашистов внутри самой американской армии — за право сражаться против германского фашизма.

Уинстон доказал свое право называться сыном американского рабочего класса и в тюрьме. Он был приговорен к тюремному заключению по «закону Смита» за то, что он, «как известно, является членом Коммунистической партии США». Генри Уинстон находился в тюремном заключении с 1956 по 1961 год. Выпущен он был на свободу уже слепым. Мозговая опухоль, которую тюремные врачи упорно отказывались признавать, разрушила зрительный нерв. Операция была сделана слишком поздно. Она спасла Уинстону жизнь, но не спасла его зрения.

* * *

Темноволосый гигант ощупывает пол тонкой белой тростью. Большие прозрачные глаза смотрят мимо вас. Широкая улыбка, приветливый смех. Спокойный, глубокий голос — какой прекрасный облик бойца! Какую силу, какую неугасающую надежду излучает этот человек!

— В Соединенных Штатах,— говорит он,— нам еще предстоит главная борьба за то, чтобы было покончено с «холодной войной». Нас, коммунистов, так свирепо атакуют сейчас потому, что демократическое движение на подъеме. Большие боссы боятся того, что наша партия в шестидесятые годы становится еще более сильной, чем она была в тридцатые и сороковые годы. Я думаю, что, несмотря на все трудности, силы демократии победят!

Он и его партия — часть этих сил; его твердая вера в будущее придает уверенность всем нам.

НСТОН

Тур Хейердал в Полинезии. На его голове корона вождя острова Фатухива. Корона изготовлена из черепаховых костей и перламутра.

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Пятнадцать лет назад, 28 апреля 1947 года, из порта Кальяо, на побережье Южной Америки, на девяти связанных вместе бревнах вышла в Тихий океан шестерка отважных людей. Возглавлял горстку смельчаков подвижник науки норвежец Тур Хейердал.

Смелость Тура Хейердала не только в том, что он предпринимает опасные путешествия, но и в том, что он выносит свою научную работу на всеобщий суд. Не ограничиваясь специальными трудами после каждой очередной экспедиции, он делает свои открытия достоянием рядовых читателей всех стран, выпуская увлекательные книги. Незаурядный дар популяризатора, обилие ярких фактов, большая теплота в описании людей, а главное, подкупающая страстность и убежденность самого автора содействовали тому, что его теория заселения Полинезии стала известна очень широкому кругу лиц. Со всех концов света читатели пишут ему, делясь своими соображениями, подчас споря с ним, стремясь внести свой вклад в разгадку сложной проблемы.

...Еще в годы войны, когда Советская Армия освободила Северную Норвегию от гитлеровских захватчиков, Тур Хейердал, служивший в десантных частях, познакомился с советскими людьми. Недавно норвежский ученый сообщил о своем желании посетить Советский Союз и с радостью принял приглашение Общества СССР — Норвегия и советских ученых. Вот что Хейердал ответил на вопросы «Огонька».

— Над чем Вы работали последнее время и каковы Ваши планы на ближайшее будущее?

— Главным образом я был занят обработкой материала, собранного в экспедиции на острове Пасхи и в восточной части Тихого океана. Вышел первый том нашего отчета — «Археология острова Пасхи», и теперь мы готовим издание двух следующих томов.

Затем я буду заниматься планированием дальнейших раскопок в Полинезии.

— Какова цель Вашей поездки в Советский Союз?

— Я приезжаю в первую очередь потому, что очень хочу встретиться с советскими археологами и другими исследователями, которые интересуются проблемами заселения Тихоокеанской области. Еще мне хочется посмотреть в советских музеях экспозиции, посвященные Тихоокеанской области: я знаю, что они включают важнейший материал, собранный на месте, в частности, русскими экспедициями, посетившими остров Пасхи в прошлом столетии. И, наконец, меня лично чрезвычайно интересует жизнь советских людей, хочется побольше узнать и увидеть — не только города и стройки, но и русскую природу и повседневную жизнь.

Л. ЖДАНОВ

КОММУНИЗМ, НАУКА, ЧЕЛОВЕК

Президент Болгарской Академии наук академик Тодор ПАВЛОВ

Вся история происхождения и развития человека говорит о том, что общественная организация, язык и наука в конечном счете определяются одним — способом общественного производства или, другими словами, трудом. Сравнительно низкий уровень общественного производства и техники в первобытнообщинном, рабовладельческом и феодальном обществах определял и соответствующие общественные отношения, а отсюда — культуру, идеологию и науку.

Развитие производительных сил при капитализме раскрыло новые возможности дальнейшего развития человека. Однако эти возможности нашли свое ограничение в противоречии между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. **С полной наглядностью и категоричностью история показывает, что дальнейшее всестороннее, гармоническое развитие человека, человеческого общества, науки и культуры возможно только при замене капиталистических производственных отношений социалистическими и коммунистическими.**

Историческая победа Великой Октябрьской социалистической революции, успешное строительство социализма в СССР и во всем социалистическом лагере и начавшийся постепенный переход от социализма к коммунизму раскрыли новые, небывалые в истории человечества возможности всестороннего и гармоничного развития как самого общественного производства, так и всего человеческого общества, самого человека, его культуры и науки.

Утопические социалисты в прошлом (да и не только они) мечтали о коммунистическом обществе. Однако они не знали, не видели пути реального осуществления своей мечты. Маркс, Энгельс и Ленин открыли этот реальный путь, который прежде всего **означает создание новой, коммунистической материальной базы человеческого общества.**

Без материальной базы коммунизм остается лишь утопией. Но это не значит, что коммунизм исчерпывается одной новой материальной базой. Весь вопрос в том, что диалектически закономерно вместе с созданием новой материальной базы создается, должно создаться и новое, коммунистическое общество и новый человек.

Определяемые материальной базой, коммунистическая идеология, культура и наука, коммунистическая мораль, искусство и литература, коммунистическое воспитание и научное мировоззрение, со своей стороны, тоже действуют на материальную базу, ускоряя ее развитие, ее усовершенствование и укрепление. Но решающее значение имеет все-таки материальная база рождающегося коммунистического общества.

Именно задача создания этой базы стоит сегодня перед Советским Союзом и народами стран социализма **как близкая и определяющая, в сущности, все другие задачи.**

Однако **экономическая база грядущего коммунистического общества не может быть построена людьми, которые не развиваются вместе с базой, без их науки и культуры, которые соответствовали бы новой, коммунистической материальной базе.**

Техника коммунистического общества будет в высшей степени техникой полной механизации и автоматизации. Самое широкое применение получат все более совершенные математические вычислительные, кибернетические машины и методы информации, моделирования, управления.

Все это предполагает новое развитие и усовершенствование, поднятие на более высокую ступень всей человеческой культуры и в особенности науки, научного мировоззрения, строящегося на основе марксизма-ленинизма.

Диалектика вещей такова, что создание нового, коммунистического общества будет означать грандиозное переустройство не только всей общественной и природной материальной действительности, но также и самого человека — организатора и творца.

Еще Маркс доказал, что, изменяя природу, человек изменяет и самого себя. Изменяя себя, человек ставит перед собой новые цели и задачи и снова изменяет окружающую его материальную среду с тем, чтобы снова измениться и он сам, поднимаясь на новый и более высокий уровень и как существо общественное и как живое органическое существо вообще.

Когда коммунистическая материальная база будет полностью построена, она будет нуждаться в укреплении и дальнейшем усовершенствовании. Главные чаяния и усилия человека неизбежно будут направлены на развитие науки и культуры.

И тогда человек поставит перед собой такие грандиозные задачи технического, научного и мировоззренческого философского характера, о которых мы теперь даже не подозреваем.

Например, космические корабли, поражающие наше воображение сегодня, вероятно, будут казаться людям грядущего приблизительно такими же примитивными, какими нам кажутся первые модели паровозов, автомобилей и самолетов. Ведь межзвездные корабли будущего смогут черпать энергию в космосе и двигаться со скоростью, близкой к скорости света.

Еще важнее то, что постоянно совершенствуемая техника, расширение жизненной среды человека, преобразование им этой среды сообразно с его историческими целями и задачами неизбежно будет означать глубокие преобразования и его собственной природы — физиологической, биохимической, биофизической, психологической, мыслительно-логической.

Человек передаст целый ряд формальных задач вычислительным, кибернетическим и другим машинам, а сам сможет обратить еще большее внимание **на усовершенствование творческой стороны своего мышления.** Он будет ставить перед собой все более грандиозные творческие цели. Не сегодня, но в будущем мы сможем говорить даже о такой научной задаче, как искусственное создание живого и мыслящего существа. Иными словами, речь пойдет о **пересоздании самой природы человека с тем, чтобы он мог жить, работать, творить даже и в такой среде, в какой он в настоящее время не смог бы просуществовать даже несколько минут.**

Прошли сотни миллионов лет с тех пор, как живые существа, появившиеся в первичных океанах, начали постепенно приспосабливаться к воздуху и суше. Не может быть никакого сомнения в том, что человек выйдет из земного воздушного океана и приспособится к космическому океану безвоздушных мировых пространств. Возможно, на это потребуется много лет, а может, и веков. Однако этот процесс будет осуществляться с помощью науки и техники, не стихийно, эволюционно, как происходило приспособление водных существ к суше и воздуху на земле. Поэтому сроки овладения космическим пространством будут, разумеется, сильно сокращены. Это далекая, очень далекая перспектива. Но это реальная перспектива. Она не сможет быть осуществлена, если мы недооценим наши ближайшие задачи, и прежде всего задачу построения материальной базы коммунистического общества, развития науки и техники.

Кибернетические машины для проектирования мостов, железных дорог, машин и станков, для переводов с иностранных языков, для сбора и обработки информации именно в коммунистическом обществе получат самое широкое, даже трудно вообразимое для нас сейчас развитие. Без них не обойтись ни в астронавтике, ни в межпланетных сообщениях, ни в нашем сложном земном хозяйстве.

И все же когда некоторые выдающиеся математики утверждают, что средствами кибернетики можно создать живое и мыслящее существо, то они явно переоценивают возможности этой очень широкой, поистине грандиозной науки.

В сущности, когда искусственно будет создано первое живое существо, то для того, чтобы перейти к коренному переустройству человека, понадобится развитие не только кибернетики, а совокупности всех наук, в том числе

биохимии, биофизики, биомеханики, общественных наук.

Еще Энгельс отметил, что если удастся синтезировать белковые вещества, то они, несомненно, обнаружат явления жизни и будут совершать обмен веществ. Им потребуется соответствующая пища. А это уже задачи не химии, физики и физической химии, а других естественных наук — все более глубокого овладения и использования не только химических, физических, но и биологических, физиологических закономерностей в развитии живых существ, в том числе и человека. Ведь человек не только органическое, но и общественное существо. Следовательно, при его формировании выступают на сцену общественные науки и в конечном счете **самая научная, марксистско-ленинская философия.**

В условиях досоциалистических обществ не могло быть и речи о реальной постановке и решении подобных грандиозных научных, технических, психологических, общественных задач. Их постановка и решение возможны только в коммунистическом, все более совершенствующемся человеческом обществе.

Отказаться мыслить об этих проблемах, утверждать, что они вообще неразрешимы,— это значило бы вынести смертный приговор всей человеческой науке и технике, всей человеческой культуре и общественному развитию, и следовательно, и самому человеку.

Эта и другие подобные задачи — пока мечта. Но это вполне реальные задачи. Их реальность обеспечена тем фактом, что уже сегодня мы ставим и решаем задачу создания материальной базы коммунистического общества. Мы ни на миг не забываем прекрасных мыслей Никиты Сергеевича Хрущева о том, что создание материальной базы коммунистического общества является созданием нового, коммунистического человека, а, в свою очередь, создание нового, коммунистического человека все более обеспечивает построение новой материальной базы, ее непрестанное укрепление и усовершенствование.

Какой вывод можно сделать из всего сказанного?

Диалектика вещей такова, что построение коммунизма немыслимо без науки и научного мировоззрения. Но усовершенствование и дальнейшее развитие науки предполагает и требует наличия коммунистического общественного строя, при котором найдут полное выражение самые лучшие способности человека. Человек будущего станет таким совершенным, таким гармонично развитым, таким правдивым, нравственным и прекрасным, каким никогда не был в прошлом.

Таким образом, понятия Коммунизм, Наука и Человек оказываются диалектически глубоко связанными в одно единое целое, не будучи метафизически тождественными. А когда Человек полностью проявит свои способности, заложенные в нем самой природой человека, он осуществит такую общественную организацию, которая не будет знать ни войн, ни агрессий, ни эксплуатации. Человек, Правда, Мир, Гуманность, Красота и Счастье восторжествуют.

Это Счастье, эта Красота, эта Правда в наших руках!

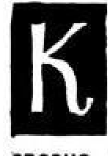

Многие сотни килограммов гибридной кукурузы, расфасованной на заводе, пойдут завтра на колхозные плантации.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ВЕСНУ

Н. БЫКОВ

Фото Б. Кузьмина.

Крым трудный, Крым преображенный... Степь, рассеченная автострадой надвое. Справа и слева от автострады, убегающей к далекому Сивашу словно гигантская взлетная площадка, крыльями раскинулись молодые виноградники. За ними — плантации кукурузы, свеклы, только что прописанной на этой не всегда ласковой земле, и поля славной крымской пшеницы. В просторной когда-то степи сухого, с разгульными ветрами полуострова с недавних пор стало очень тесно. Тесно от новых поселков, многоцветных и пока нередко малолюдных, от распаханных, занятых садами и виноградниками гектаров, от машин, громогласных и неутомимых, избороздивших плугами степной Крым.

Весна в Крыму — речь не об узкой причерноморской полосе, защищенной с севера лесистыми грядами гор,— запоздалая, нетеплая. Однако скворцы по утрам как ни в чем не бывало высвистывают свои озорные мелодии. И абрикосы зацвели хоть и не дружно, но вовремя. И вот уже персик, степной переселенец, густо порозовел — добавил к привычному крымскому колориту сарьяновские краски. Все так. И все же нынешняя крымская весна, как, впрочем, и весна кубанская, белорусская, заволжская и сибирская, необычна. Это не литературный штамп,— ведь каждая весна, будь их в жизни человека хоть сотня, действительно необычна.

У нынешней особые приметы!

Пересмотрены не только карты полей, но и самые организационные принципы управления сельским хозяйством. Ведь никуда не уйти от того факта, что на мартовском Пленуме ЦК КПСС во всеуслышание было признано: у нас, по существу, нет органа, который бы по-настоящему управлял сельским хозяйством, занимался организацией производства и заготовок, глубоко вникал в нужды колхозов и совхозов, добивался эффективного использования земли, техники и других средств производства. Та реорганизация сельскохозяйственных органов, которая была проведена несколько раньше, не затронула сферу производства, вопросы непосредственного руководства колхозами и совхозами. А ведь именно они-то и должны стоять на переднем плане!..

И вот осуществлена глубинная перестройка сельскохозяйственных органов. Созданы областные комитеты по сельскому хозяйству — их возглавили первые секретари обкомов партии. Областные управления сельского хозяйства преобразованы в управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, и это принципиально важно, ибо теперь заготовитель не будет приходить со стороны.

Главное же — созданы территориальные производственные колхозно-совхозные и совхозно-колхозные управления. Они-то и начали уже действовать на местах, в глубинках. В Крымской области шесть таких территориальных управлений.

Мы присутствовали на коротком, очень боевом по духу совещании у первого секретаря обкома партии Ивана Кондратовича Лутака, впервые собравшего вместе шестерых новоиспеченных начальников территориальных производственных управлений. Это, по всему было видно, люди, умудренные большим опытом ор-

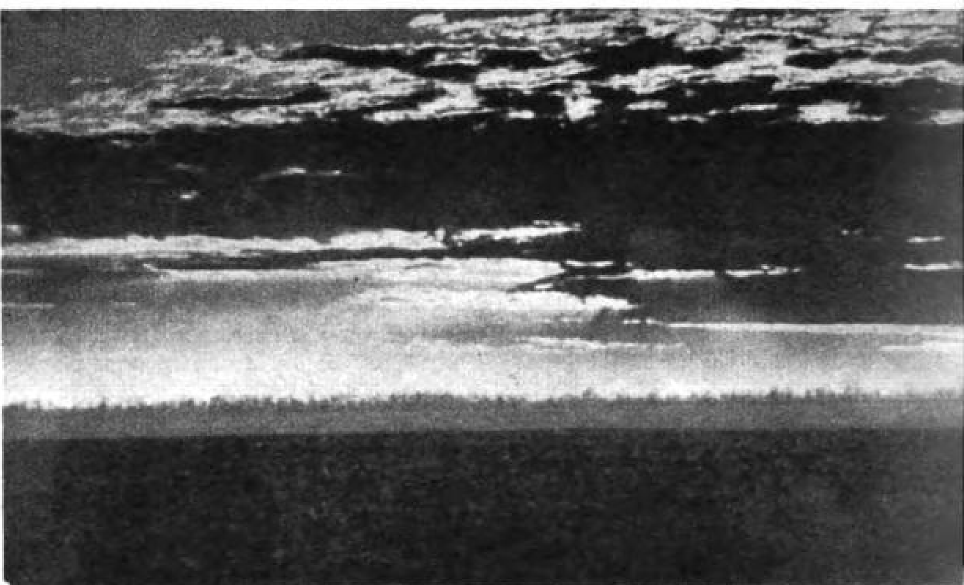

Главный агроном производственного управления Анатолий Владимирович Кустов, он же отныне и главный заготовитель.

Михаил Филиппович Сергеенков (справа), выпускник-заочник сельскохозяйственного института, вчера еще был инструктором райкома партии, а сегодня он инструктор-организатор управления.

Фермы колхоза имени XXI съезда КПСС плохо механизированы, и главный зоотехник управления Валентина Владимировна Иванова начала именно с них.

Крымская степь — трудная, красивая земля...

ганизаторов, хорошо знающие истинное положение дел на сельском фронте.

— Ответственные за весну, вот вы кто такие,— напутствовал Иван Кондратович новых комиссаров земли.— Времени в обрез, надо сразу же в поле, к людям. Все внимание на отстающих! Не должно быть такого позорного явления, когда два соседних хозяйства, находящиеся во всех прочих равных условиях, получают с гектара неодинаковое количество продукции, разный доход...

Ответственные за весну, большую весну коммунистического сева!.. Страна идет к великой жатве, и сегодня, когда заветное зерно ложится в землю, нельзя терять ни минуты, нельзя ни на минуту сбиться с походного шага...

Мы отправились вместе с Юрием Георгиевичем Бахтиным в его новые владения. Снова степь кружит за лесополосой, снова ветер, и солнце, и неожиданные накрапы дождя, и перекличка тракторов, и робкие всходы гороха, и ковры отменной озими, и легенды Таврии, воскресшие в памяти... И снова автострада, как гигантская взлетная дорожка, уходящая в расплавленную под солнцем голубую даль.

Юрий Георгиевич молод. Сам с Волги, лет десять назад окончил в Симферополе сельскохозяйственный институт. Коммунист. Агроном. И работал агрономом — в колхозе, в МТС. Позднее немало поколесил по области, будучи инструктором обкома партии. Потом его избрали председателем Азовского райисполкома. С 1961 года — первый секретарь Красногвардейского райкома партии. Был делегатом XXII съезда КПСС. В канун весны ему предложили возглавить Красногвардейское территориальное производственное управление.

Договорились так: на оргвопросы — день, самое большое два. И потом в степь. Крымчане поднимают и обрезают виноградники, сеют свеклу в междурядьях молодых садов, еще и еще раз регулируют, проверяют боевую готовность кукурузных сеялок, мудрят над небогатым по весне рационом дойного стада...

Подбор кадров — дело самое главное. Управлению нужны люди, крепко связанные с землей, с повседневной жизнью колхозов и совхозов, но в то же время и не утратившие вкус к новинке, к учению. Беспокойные и умеющие прислушаться к мнению колхозников. А где надо — настоять на своем. Не советчики, пусть добрые и знающие, а организаторы, инструкторы — такие, какие поднимают впервые в воздух новичка-авиатора!..

Прошло полдня, и вот у Бахтина есть основные помощники: главный агроном Анатолий Владимирович Кустов и главный зоотехник Валентина Владимировна Иванова, они же и заместители начальника управления. Кустов и Иванова тут же занялись формированием группы агрономов и группы зоотехников.

— А кто же заготовителем?

— Нет такого, по штату не положено,— ответил Юрий Георгиевич.— В том-то и смысл перестройки. Тот, кто производит, тот и заготавливает. Крепко узелок завязан! И никаких разногласий осенью: если мало дал государству, значит, сам мало взял с гектара, значит, ты же и не поработал, ты за все и ответчик!

И с первых же часов Юрий Георгиевич начал мыслить масштабами трех районов — Азовского, Октябрьского и своего, Красногвардейского...

Масса нерешенных сугубо житейских вопросов. Малы и неудобны помещения, данные управлению, нет жилья для многих специалистов, нет в штатах завхоза и сторожа, всего одна уборщица. Надо искать и шофера... Но некогда. И Юрий Георгиевич сам подготовил и заправил «козлик».

Рассвет мы встречали в степи. Выкатилось из-за дальнего кургана солнце, поплыло вверх. И сразу с поднебесья посыпались звонкие точки и тире морзянки жаворонков, стали слепнуть звезды, гаснуть фары тракторов ночной смены. Засеребрилась роса на озими. Потянулись к абрикосам пчелы.

Юрий Георгиевич хорошо знает все три района и почти каждое хозяйство в отдельности.

— В границах управления,— рассказывает Бахтин,— оказался, по существу, весь степной Крым, его сердцевина. Земля трудная. Ветры и солнце. Нередки черные бури. Нынче вся степь засеяна, а рук не хватает...

Юрий Георгиевич много и серьезно думает над самыми ближайшими задачами.

— По трем районам наберется до десятка отстающих хозяйств. Им все внимание, с первого же дня. Если их подтянуть, только их, тогда продуктивность земли на территории возрастет на треть сразу же, уже к нынешней осени! А это значит дать дополнительной продукции на 10 миллионов рублей! Кроме того, надо уже сейчас заняться специализацией. Пример? У нас в Красногвардейском районе много овец, а в Азовском неплохие пастбища. Значит, надо создать в Азовском овцеводческие фермы, а красногвардейцам развязать наконец руки. И так по многим хозяйствам. Считать, думать, перекраивать, добиваться!.. С кормами очень плохо. Особенно весной, когда кончается силос. Значит, надо крепко подумать о люцерне, эспарцете на поливных землях. Они весной незаменимы. Кое-кто недавно стал сеять озимую вику, а другие робеют,— значит, надо всем рекомендовать!..

О технике особый разговор. Техники мало. Нет моторов и насосов для скважин, а без воды мы способны только на полдела. Будет ли управление располагать своими средствами? Думаю, что обязательно, иначе зачем огород

Юрий Георгиевич провожает и встречает солнце в степи.

городить... Будут средства — появится техника. Думаю, что и районное звено «Сельхозтехники» надо реорганизовать, подчинить его управлению. Зачем? Всю ответственность, и всю организационную власть, и всю техническую мощь следует сосредоточить в одних руках — в производственном управлении. Ведь мы не советчики — я только так понимаю задачу,— а организаторы. Не плакаты будем привозить с собой в хозяйства, а семена новых сортов, новые машины, запасные узлы, проволоку для виноградников, удобрения под кукурузу, гербициды на засоренные поля. Опыт — неумелым, силу приказа — нерадивым!..

И начались будни. Колеса машин завертелись с бешеной скоростью по многим дорогам. И вдруг — стоп. Остался у лесополосы «козлик», остывает, а начальник управления (или главный агроном, или инструктор-организатор) уходит все дальше и дальше в степь, туда, где рокочут тракторы, где склонились над землей люди.

Как-то Юрий Георгиевич заметил, резко тормозя «козлик» около группы женщин, обрезающих виноградную лозу:

— Не могу мимо людей! Нельзя мимо...

Очень знаменательные слова! В них и стиль работы и характер людей, получивших сегодня великое звание — ответственных за весну.

Стихи о друзьях

Из книги «Клятва моря»

ЛИ ЦЗИ

СЛАВЛЮ НОВЫЙ ГОРОД

В пригородах Баку

Я десять лет тому назад
Уже бывал в Баку.

И вот я вижу новый сад
И новый град, Баку!

Как десять лет тому назад,
Шумит морской прибой,

Но вырос город у волны —
Весь бело-голубой.

В тот год явились мы сюда —
Безмолвье пустырей;

Сегодня — музыка труда
И тысячи огней.

Деревья новые шумят,
Поет веселый клуб,

И в красных галстуках отряд —
Ровесник этих труб.

Я видеть рад тебя таким,
Тебе дарю строку;

Я видеть рад тебя таким,
Мой старый друг, Баку.

Народа вклад неисчислим —
Сочти на всю страну!

Ко всем жемчужинам морским
Прибавь еще одну.

ОСТРАВА

Чехословакия

Повсюду трубы, точно лес,
Слепят глаза цветы огня,
Но поразили здесь меня
Не эти трубы, точно лес;
Увидел я стальной поток,
Он светом лица озарял:
Геройский марш,
Борьбы итог —
В большое Завтра шел металл.

А виноградное вино
Кипит и льется через край,
Но поразило не оно,
Вино, что льется через край.
Смеются яркие цветы,
Гордятся свежестью своей,
Но поразили не цветы
И не вино,—
Сердца друзей!

Я правду сердцем узнаю,
Я
узы красные
пою.
Они соединили нас
В большую братскую семью!

Перевел с китайского
Л. Черкасский.

УДЕЛ ПОЭТА

Антал ГИДАШ

Вновь не решился бы начать я этот путь,
да и напрасно бы стучать я начал в грудь,
крича, что молодец, что стар еще не стал...
Ведь если у меня еще не согнут стан,
то где же все-таки в придачу взять к нему
и неизраненное сердце? Где возьму
такое сердце, чтоб могло бы вновь
размеренными порциями кровь
по телу рассылать. А иначе нельзя
вещать, что не страшна прекрасная стезя,
которую и вновь я живо обегу,
сменяя на бегу жарищу на пургу.
Нет! Не начну я вновь, мне этого не вынести.
Ведь, скажем, даже дуб, как я, так лет шестидесяти,
хоть и по-прежнему стоит на высоте,
но все же краски у него не те
и старой кроной он не может так
шуметь и привлекать, как молодой дубняк.
Два поколенья на плечах несу (хоть это
и незаметно вам). Но все ж удел поэта:
быть как сама земля, обильем урожая
за зерна взятые с лихвой вознаграждая.
А коль таков поэт и если, расщеплен
на бесконечность строк, еще богаче он,
то ведь и дуб — скажу я про себя —
чем старше, тем буйней шумит, людей любя.
И сгиньте, плоские житейские порядки,
прочь с моего пути, не ставьте мне рогатки,—
не вам судить и мне вы не грозите,
рубите лучше гниль и мертвых хороните!
Есть правило одно, себя что ни день сокрушающее,
утром возникающее, в полдень выцветающее, к вечеру
умирающее,
а назавтра возникающее в блеске ослепительно новом,
новое правило — жизнь, одним словом!
И я храню тот ритм, что найден был в огне
пыланья юного, и с этих пор во мне
он все взрывается, и не терплю, когда
успокоительная вода
подмешана в мое чистейшее вино.
Бывает вынужден и это пить я, но
тогда шатаюсь я и ноги не несут,
душа трухлявеет. С такой бурдой сосуд
я отвергаю. Я бы мог принять
все что угодно,
только бы не это!

Я продолжаю,
ибо каждый день
вновь начинаю —
вот удел поэта!

Перевел с венгерского
Леонид МАРТЫНОВ.

Есть солнце...

Илья КРИВОШЕЕВ (Илька Морыця)

Есть солнце! Ярче нет его на свете!
Оно сияет над моей страной.
В полях пшеницу колыхает ветер,
Зеленый лес поднялся молодой.

Кругом расцвет, бескрайнее приволье...
Родной земли хозяин — человек.
Народу служит и завод и поле,
Нужды и горя не видать вовек.

Оно лучами освещает дали.
Его тепло живет средь нас во всем;
Под ним росли мы, крепли и мужали,
Мы это солнце — Партией зовем!

Перевел с эрзя-мордовского
Павел МАШКАНЦЕВ.

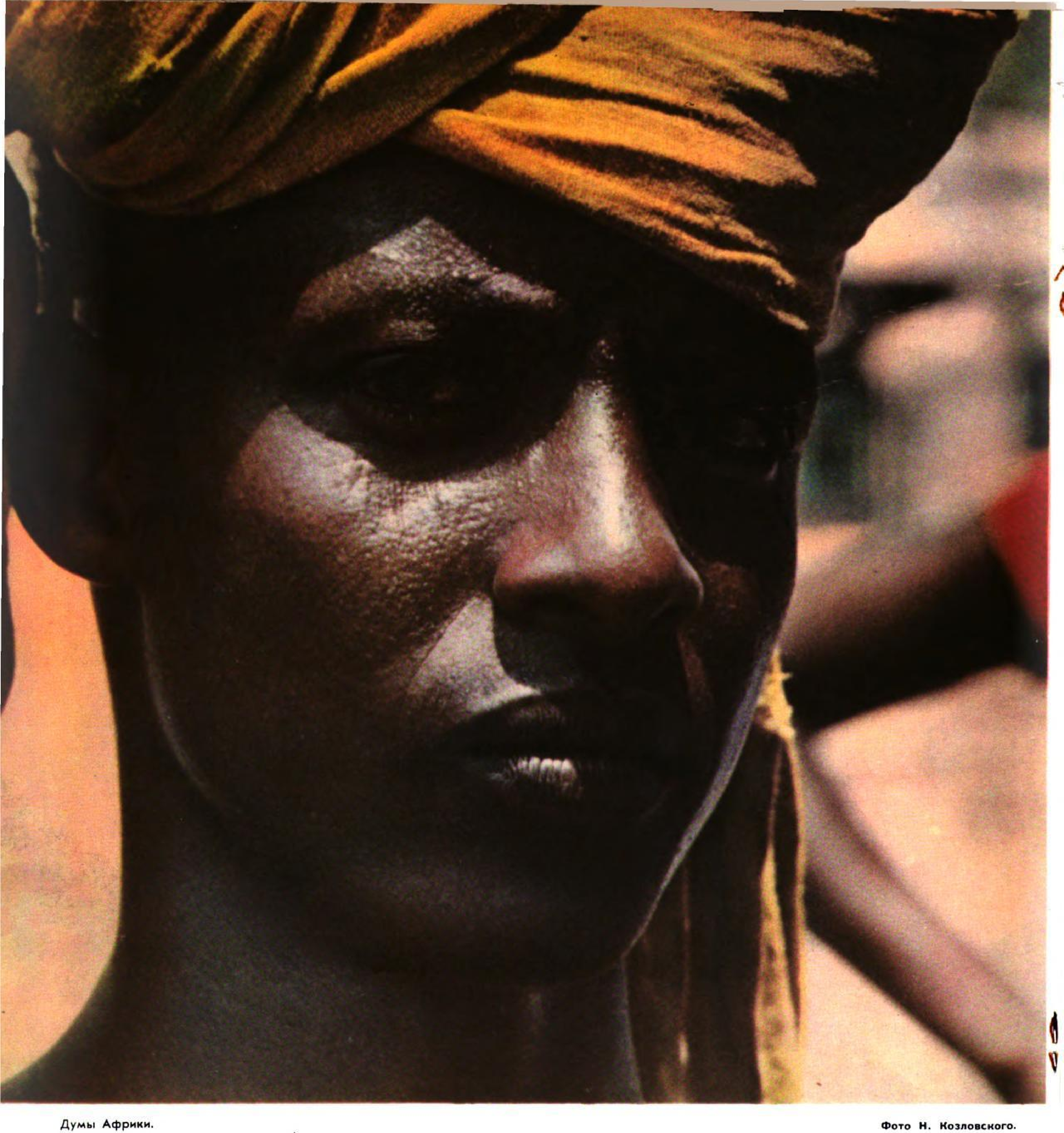
с. Ичалки,
Мордовской АССР.

«Смерть фашизму!» Ни время, ни полиция не смогли стереть со стены дома в Риме этот боевой клич.

Фото М. Савина.

Солнце, яркие краски, улыбки... На школьном празднике в Бхилаи.

Фото Л. Котляренко.

Думы Африки. Фото Н. Козловского.

ВРЕМЯ БОРЬБЫ И НАДЕЖД

Вот и пришла в мир весна. Самое радостное, самое солнечное, самое удивительное время года.

Неодинаково звучит на разных языках и наречиях слово «весна». Но кто бы ни произносил его — слесарь с прославленного Чепеля или рыбак с Янцзы, смуглолицая девушка из Ганы, первой в истории страны вставшая к станку, или седой крестьянин из вьетнамских джунглей, на шестидесятом году выучившийся грамоте,— слово это узнать нетрудно. Оно не требует перевода.

Весна шагает по планете. Это — время труда и борьбы, время надежд и радостных свершений.

На разных континентах сделаны фотографии, которые мы публикуем. Но есть в них что-то общее.

Улыбаются школьницы из безвестного еще недавно индийского местечка Бхилаи. Кто сегодня не слышал этого названия? Могучий маяк индустриализации Индии, созданный с помощью советских друзей, сполохами домен освещает республике путь в будущее.

Радостно смеется девушка с далекого индонезийского острова Бали. Когда она была маленькой, мать и отец работали на голландских плантаторов. Независимая Индонезия живет и трудится на благо своего народа!

Ликует Гавана!

Фото В. Володкина.

Торжествует Куба. Героическое племя бородачей, сбросившее долларовое ярмо, строит новую жизнь. И никогда больше не взойдет над красавицей-Гаваной, над бесконечными зарослями сахарного тростника и над школами, построенными Революцией, «солнце из желчи», о котором писал Николас Гильен.

Задумчиво лицо молодого сомалийца. Трудные дороги лежат впереди. Колонизаторы оставили в память о себе не только бронзовые и мраморные монументы завоевателей, губернаторов и усмирителей народных восстаний. Памятники колониализма — это болезни и голод, это пустыри, на которых могли бы сегодня стоять заводы, это могилы детей, которые умерли раньше, чем научились говорить. Сколько еще предстоит сделать, чтобы избавить Черный континент от зловещего наследия прежних времен!

Мракобесие объединяет сейчас свои усилия, пытаясь украсть у миллионов людей их весну. Громилы из оасовских отрядов и каратели Нго Динь Дьема, до зубов вооруженные заокеанскими благодетелями, реваншисты с Рейна и палачи Салазара, устраивающие охоту за головами анголезских патриотов,— все это части одной цепи, которой империализм хотел бы опутать мир.

Не выйдет!

Грозным предостережением тем, кого ничему не научил урок Гитлера и его своры, звучат слова, написанные твердой рукой на стене в Риме: «Смерть фашизму!»

Люди выстрадали и отвоевали право на мир, на счастье, на весну. И они никому не позволят отнять у них это право.

Девушка с острова Бали.

Фото В. Володкина.

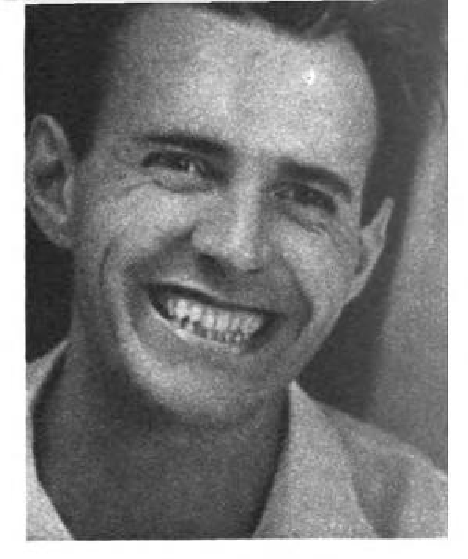
Тянется к знаниям молодежь Лаоса.

Фото И. Гутмана.

Звезды смотрят вглубь

Ия МЕСХИ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Валентин Ермаков.

Надя Беляева.

Нина Сиднева.

Судаба Ассадулаева.

По рукам пошла записка: «Союзники! Сообщите Командору о том, что Фотограф дрался с матерью. Учитель предлагает немедленно отнять у него Знамя и передать Колобку».

«Союзники» собрались вечером. Они были взволнованы. Силкин стал просто невыносим. Уроки в школе он пропускает. Мать купила ему путевку в детский городской санаторий — он и в санаторий не ходит. А как он разговаривает с матерью! Конечно, отца нет, они вдвоем, мать в нем души не чает, он распоясался, и вот дошел до того, что поднял на нее руку. Что же предпринять? Как показать ему, что есть сила, с которой он должен считаться? Может быть, ударить его по самому больному месту — лишить его любимого занятия? Эх, будь что будет! Рискнем..

План был прост. Улучив момент, «союзники» забрали у Силкина все, что относится к его фотолюбительским делам: аппарат, увеличитель, химикаты, бумагу — словом, все подчистую. Вместо этого на столе осталась записка:

«Силкин! Ты подлец и эгоист. Мы объявляем тебе войну. Союз Знаменосцев и все бывшие радужане объявляют тебе бойкот и ряд других «чудесных подарков». Если хочешь что-нибудь передать Союзу, можешь говорить только с Командором».

Это случилось 18 марта. На другой день «союзники» поняли, что сгоряча они высказались не совсем вразумительно, и подбросили вторую записку:

«Силкин! Мы подумали и решили: мы согласны отдать тебе фотопринадлежности, если 1) ты будешь ходить в школу, 2) будешь ходить в санаторий и 3) не будешь издеваться над матерью. Срок — три недели».

Все шло как по маслу. Силкин присмирел. 6 апреля за выполнение условий он получил от «союзников» некоторые знаки поощрения: кое-какая мелочь была возвращена. Возврат всех вещей был назначен на 13 апреля. Но 13-го «погода» испортилась. Видимо, поощрение было преждевременным.

«Ты не полностью выполнил наши требования.— сообщали «союзники»,— плохо ведешь себя в школе. Поэтому мы тоже выполняем наше слово не полностью — отдаем только часть вещей. А сейчас привет тебе от Увеличителя и его «товарищей».

Неизвестно, чем бы кончилась эта операция, если б в игру не вступила мать. Сердце ее не вынесло всех этих «жестокостей», и она купила приунывшему ребенку то, чего ему недоставало.

Силкин торжествовал, так как весть о покупке вызвала немедленный возврат всего экспроприированного хозяйства. «Союзники» чувствовали себя побежденными и огорчались невероятно. Хотя это, по существу, было только внешним поражением. На самом деле Силкин был уже не тот. Он знал, что с него не спускают глаз, и поведи он себя так вызывающе, как раньше, ему причинят новую неприятность. Изменился ли он от этого внутренне или просто запрятал поглубже свое себялюбие? Как бы то ни было, он уже не существовал сам по себе. В доме объявилось нечто требовательное, властное, вмешивающееся в его «частную» жизнь и заставляющее его отдергивать руку, поднятую с недобрыми целями. Это были бывшие радужане.

Мы уже кое-что знаем о них. Помните? Поселок Монтина в Баку, детский клуб «Радуга» в жилом здании судоремонтников, инженер Алевтина Мартыновна Ермакова, женщина, бескорыстно отдававшая все свое свободное время соседской детворе. Вот она вместе с ними высаживает деревца на голом пустыре возле дома, отвоевывает клубное помещение, организует кружки, бригады, придумывает всякий раз что-нибудь такое, от чего глаза у ребят горят и улыбки белозубые сверкают, как сотни маленьких солнц. И вот она, прикованная тяжелым, неизлечимым недугом к постели, шьет Знамя клуба — голубое шелковое знамя с семью яркими лентами, семью цветами радуги — последнее, что она успевает сделать для радужан.

Потом ее место занимает сын, Валентин Ермаков, в то время студент Бакинского государственного университета. И жизнь клуба продолжается, полная взлетов, спадов, радостей и огорчений жизнь детского коллектива, не связанного никакими узами, кроме уз житья-бытья в одном большом дворе. Обо всем этом было уже рассказано в № 36 «Огонька» за 1960 год.

Что же дальше?

В самом деле, что дальше? Ведь жизнь подобных детских клубов, к сожалению, часто бывает недолговечной. То ли пороху у организаторов не хватает, то ли выдумки мало, и детям быстро приедаются однообразные массовки, стандартные кружки. Жизнь в таких клубах зачастую не горит, а чуть теплится.

В «Радуге» все горело. В отличие от многих других клубов при домоуправлениях «Радуга» делала сильный акцент на воспитании нравственных начал. Это сложнее, но интереснее, значительнее по существу.

Здесь действовал строжайший устав, велась борьба за внешнюю и особенно внутреннюю красоту формирующегося человека. «Радуга» жила по традициям, первой из которых была вежливость. Кстати, о вежливости. Как это началось? С супа, с самого обыкновенного супа и голубцов. Их приготовил кружок домоводства и пригласил отведать гостей с завода и из райкома комсомола. Гостей не столь поразила вкусная еда, сколь изысканные манеры хозяев. Всем бы клубистам такие! Так возникли уроки культуры, на которых разбирались вопросы поведения, гигиены и прочие. А затем уже пошли разговоры о чувстве такта, о том, что такое внутренняя культура, о том, как надо понимать музыку...

В «Радуге» существовала тради-

Летчик полярной авиации Алексей Аркадьевич Каш.

Станция «СП-8» в момент эвакуации.

Фото автора и летчиков полярной авиации Г. Бадритдинова и Г. Минькова.

КАК Э

Обыкновенная работа

Когда наш самолет приземлился на одном из арктических ледовых аэродромов, невольно мелькнула мысль, что первые тревожные сообщения об угрожающем положении на дрейфующей станции «Северный полюс-8», вероятно, преувеличены. Ну, что может случиться с этим толстенным белым панцирем, который свободно выдерживает посадки многотонных турбовинтовых «АН-12»?! Да и слова «подвижка льда» казались не такими уже страшными. Двигается там, наверное, понемножку...

Но полярники отлично знают, какие могучие силы стихии стоят за ласковым словом «подвижка».

Десять научных сотрудников, возглавляемых Ильей Павловичем Романовым, уже заканчивали свою работу: прошел год, и скоро на смену должна была прибыть новая группа. Но природа распорядилась по-своему. Первый ночной бой она дала 24 февраля. Раздался сильный треск, и за дизельной установкой, питавшей лагерь электроэнергией, образовалась широкая трещина. Выбежавших из домиков зимовщиков встретила сильная пурга. Свист ветра, треск и грохот смешались в неумолкающий гул. Было решено оттащить дизель в безопасное место. Подогнали трактор, закрепили трос, но поздно: из темноты надвинулся вал торошения — огромная ледяная волна высотою с добрый двухэтажный дом. С гребня ее посыпались мелкие осколки, и вслед за тем он рухнул вниз, погребая под собой обреченный движок. К счастью, успели все-таки отцепить трос, иначе лишились бы и трактора. Станция погрузилась во мрак. Теперь выручали только тракторные фары и карманные фонари, но снежная круговерть превращала их лучи в мутные желтые пятна. И все же «отступление» провели вполне благополучно, станция перебазировалась на новое место и продолжала свою работу. Правда, льдина была невелика — триста на четыреста метров,— но как будто надежная.

Следующий удар обрушился на станцию второго марта. В таких случаях почему-то любят писать: «Беда нагрянула неожиданно». Но к Арктике это неприменимо: здесь люди привыкли ожидать неожиданное. И то, что нам, живущим на материке, кажется каким-то невероятным происшествием, для полярников обыкновенная, будничная работа. Снова на лагерь двинулись ледяные валы, и снова была пурга, темень, опасность и перетаскивание грузов. В двух шагах не видно, трещина за трещиной дробили льдину. Но никакой суматохи, никакой неразберихи: план работ был составлен задолго до этой ночи, каждый знал, что должен делать именно он. На этот раз положение оказалось очень трудным, но удалось вытащить домики, материалы, документы, наиболее ценные приборы. Сообщили обо всем на береговую базу, попросили не беспокоиться, и стали ждать, терпеливо, как ждут где-нибудь в аэропорту пассажиры: погода прояснится и полетим.

Тесен ли мир!

Первое, что я сказал, встретив Каша, было «мир тесен». С Алексеем Аркадьевичем Кашем мне довелось полтора десятка лет назад служить в военно-воздушных силах Тихоокеанского флота, в одной эскадрилье. В то время он летал на маленьких тихоходных самолетах «МБР-2». Мы все очень любили этого парня за веселый, общительный нрав, за чудесные песни, которые он распевал под свою неразлучную гитару, и ценили как отличного летчика. Поэтому, когда его переводили от нас в полярную авиацию, расставаться было грустно. Но мы знали его любовь к Арктике, знали, что он с 1934 года до самой войны там

ция точного отношения к времени, традиция коллективного поздравления с днем рождения, особое построение — не на линейку, а в дугу, особый ритуал почета, радужного Знамени. За хорошие дела, совершенные всем клубом или отдельным клубистом, к Знамени прикреплялась красная звездочка. Красная звездочка на знамени — высшая награда всем и каждому!

Все это очень нравилось, вызывало желание все делать споро, отлично, лучше всех: победить на олимпиаде, на соревнованиях...

Но вот постепенно часть старших ребят стала отходить от клуба. «Почему бы это?» — задумывался Валентин. Он уже окончил университет и работал преподавателем в одной из бакинских школ. Не слишком ли строга «Радуга» в своих уставных требованиях к клубистам? Макаренковская теория требовательности коллектива к члену коллектива применима в детском доме, в школе. А тут домашний клуб: хочешь — ходи, хочешь — нет... Уйдешь из клуба — будет скучно, но зато избавишься от постоянных замечаний, от неприятной «середины», от всего того, что относится прежде всего к старшим клубистам, с которых спрос больше.

Впрочем, уходили те, кто послабее волей.

Тяжелые это были дни для «Радуги». Почти три года прошли вместе. Изменить традициям, ослабить требовательность казалось недостойным памяти Алевтины Мартыновны, которая всему этому положила начало. Но дело даже не в этом. Каждый понимал: без строгостей нельзя, все станет расшатываться, разваливаться, потускнеет.

Значит, что же, прощаться? Да, уж лучше прощаться, чем влачить существование кое-как. Но если прощаться, то славно, с «музыкой» — устроить большой прощальный костер.

Теперь, за годичной давностью, не припомнить, у кого и как возникла эта идея. Но возникла она на прощальном костре. Были перепеты все песни, извлечены из недр памяти все события: хорошие и плохие, грустные и смешные. Всем было хорошо, и у всех явилась мысль: для чего же прощаться, если хорошо? К чему расставаться с радужной сказкой, если она уже пустила такие глубокие корни в сердцах?

Пусть существует клуб, но только не «Радуга». Пусть он будет совсем новым, с новыми традициями, формами работы, новым названием. А «Радуга» тоже пусть живет теми стойкими и верными радужанами, которые готовы дальше нести ее Знамя. Это будет «Союз Знаменосцев», хранитель славных радужных традиций. Знаменосцы будут опекать клуб, стоять на страже клубных дел. А кроме того, у них будут другие дела, которые приносят пользу дому, людям, в нем живущим, особенно сверстникам, детям.

— Радужане! Достоин ли я хранить Знамя? — звучали у прощального костра срывающиеся от волнения голоса. И если все общество считало, что да, достоин, задавший вопрос становился под Знамя. Так появились первые Знаменосцы.

А вслед за ними — первые Законы «Союза Знаменосцев».

Конечно, можно было бы и без Законов — все ясно: в союзе комсомольцы и пионеры, никаких новых целей перед собой они не ставят. И все же приятнее не просто одернуть товарища за лень, а с этаким шиком выпалить ему Закон:

— Сдохни, но выполни!

При этом обычно поднимается рука в виде приветствия рот фронт. Это у Знаменосцев знак напоминания.

А если кто-нибудь горячится не в меру, напомнить ему спокойно другой Закон:

— Сахла!

Сахла по-русски значит — остановись.

Ничего нового нет в этих законах.

Дело товарища — дело мое. Знаменосец не ждет приглашения. Знаменосец идет первый и ведет за собой остальных.

Спустя несколько месяцев, когда все образовалось и каждый мог не раз проверить, хочет он или не хочет этого необычного содружества, стали произноситься у Знамени торжественные слова:

«Я, Знаменосец, остался у радужного Знамени, чтобы хранить его традиции, честь и славу.

Даю слово всю жизнь поступать честно, обдуманно, мужественно и красиво, как настоящий Коммунист».

Итак, союз на всю жизнь. Сейчас в нем дети. Сейчас им надо преодолевать свои, детские трудности. Например, раздобыть дрова и приготовить все для костра. Или обежать все букинистические магазины и сдать собранные в доме книги, чтоб выручить деньжат на союзные нужды. А в это время гости пришли...

Но дети становятся взрослыми. Они уже стали взрослыми. Надюша Беляева пошла работать на электромеханический завод обмотчицей и поступила в вечернюю школу молодежи. В союзе она Командор. Начал слесарить окончивший ремесленное училище Виктор Сидоров. Выросла Нина Сиднева, ученица 10-го класса, и союз поручил ей руководство клубом.

Клуб работает без взрослых (взрослые только кружками руководят). Долго думали, как его назвать. Сохранилась куча скомканных записок с предложениями, и среди них: «От имени себя хочу назвать клуб «Солнышко». Но его назвали «Маяком». Так ближе к морю, к кораблям.

ТО БЫЛО

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

работал, и радовались вместе с ним исполнению его мечты.

...15 марта на выручку «восьмерки» с базового аэродрома вылетели два самолета «ЛИ-2». Один из них вел Герой Советского Союза Виталий Иванович Масленников, другой — Каш. Где-то там впереди нужно найти в этом просторе две надежные льдины, создать на них промежуточные посадочные площадки, забросить горючее — лишь после этого можно начать переброску станции. Первую льдину нашли в тысяче километров от побережья. На посадку пошел Каш, затем Масленников. Разбили палатки, связались с базой, и на другой день рядом с ними приземлился (прильдился) еще один «ЛИ-2» — экипаж Николая Николаевича Андреева. Разгрузили бочки с горючим, наладили радиостанцию для привода самолетов и вылетели дальше. Экипаж Андреева остался дежурить на точке, которую в шутку назвали хутор Андреевский.

...С воздуха станция имела довольно жалкий вид: со всех сторон ее зажали семиметровые ледяные гребни, повсюду между домиками и палатками змеились трещины; мачты радиостанции оказались на разных льдинах, полоса аэродрома раскололась на четыре части, куски ее сместились и походили на обломок огромной шахматной доски. Ни в лагере, ни где бы то ни было поблизости садиться было невозможно. Полетели искать. Внизу чернели десять фигурок. Не размахивали руками, не кидали в воздух шапок — летчики делают свое дело, все идет нормально...

Подходящую площадку нашли в восьмидесяти километрах от станции. Сели, и вскоре эта точка приобрела вполне обжитой вид: четыре палатки, радиостанция, мачта с флагом — настоящий полярный поселок, а название напросилось само собой — Каша-Масловка. Вскоре сюда прилетел на «АН-2» экипаж Леонида Ивановича Бабакова, а вслед за ними два «ИЛ-14». Обе точки были обеспечены горючим, сменные экипажи прибыли — можно было приступать к эвакуации «СП-8». Маленькая «Аннушка» — так ласково называют здесь самолет «АН-2», превратившаяся в «маршрутное такси», сновала между станцией и второй точкой — воздушный мост из одного самолета. Все это время коллектив станции работал без передышки: нужно было поднести и погрузить приборы, оборудование, научные материалы, а это десять тонн груза. Руководил спасательными работами начальник высокоширотной экспедиции «Север-14» Н. А. Волков. Между промежуточными точками и базой циркулировали два «ИЛ-14», ведомые летчиками Героем Советского Союза М. Титловым, Н. Мироненко, Б. Кулагиным. Экипажи работали посменно, самолетам отдыха не было, даже моторы не успевали остывать между рейсами. Оставался нерешенным один вопрос: что делать с самолетом, законсервированным на станции? Он был почти совсем завален снегом, аккумулятор снят и разряжен, да и перетащить его на остаток аэродрома было совершенно невозможно из-за торосов и трещин. Для осмотра машины прилетел Каш с бортмехаником Александром Ивановичем Шутяевым. Посмотрели, помозговали и говорят:

— Есть две возможности. Первая — самая простая — пустить под него красного петуха и погреться, но только костер слишком дорогой получится. Предлагаем другой вариант: самолет подготовить и перегнать. В общем, чего тут рассусоливать, вызволять надо машину!

Отбросили снег, подогнали трактор, подергали немного, отодрали примерзшие лыжи и отбуксировали самолет на другой конец маленькой узкой полосы, которую хоть и с большими сомнениями, но решили использовать для взлета,— это был единственный мало-мальски пригодный кусок льдины. Разыскали и поставили под зарядку аккумулятор. Все, кто был свободен, начали расчищать импровизированный аэродром, а Шутяев с Кашем стали готовить машину. Расчехлили мотор, открыли капот и ахнули: все было забито снегом, плотно спрессованным бесконечными пронзительными ветрами. Скалывали, выскабливали ножом. Шесть часов при тридцатипятиградусном морозе на сильном ветре не прекращалась кропотливая работа. Наконец все как будто было сделано, можно греть мотор. Принесли специальные лампы, применяемые для подогрева,— АПЛ. Одну из них включили прямо под мотором — какие уж тут инструкции! — нужно было, чтоб вытаяли все остатки снега. С мотора текли ручьи.

Наступал вечер. Взлетная дорожка была расчищена, Масленников натыкал в снег каких-то щепок, чтобы хоть как-нибудь обозначить ее ширину. Запустили мотор, опробовали, немного порулили по площадке. Все было в порядке. Каш включил фары, дал газ, и машина рванулась вперед. Это был трудный взлет. Самолет был тяжелым и шершавым: за время долгой стоянки он покрылся тонким слоем льда, и отчистить его не было возможности. В распоряжении Каша было меньше двухсот метров для разбега, да и разбег был необычным; взлетная полоса не прямая, она загибалась, надо уже на скорости делать поворот. В нескольких сантиметрах под лыжами промелькнули торосы...

И все-таки мир не тесен! Просто люди неугомонны, деятельны и вездесущи.

Человеку, который придет завтра

Эту сцену я наблюдал на промежуточном аэродроме. Несколько человек в кожаных куртках сидели вокруг большой кастрюли и чистили картошку. Это были летчики, только что вернувшиеся из рейсов. Может быть, тут было какое-то упущение. Вероятно, летчикам после полетов не следовало этим заниматься, но в эти дни шла эвакуация «СП-8», и здесь проходило много самолетов. Малочисленный состав, обслуживающий аэродром, был совершенно измотан, и летчикам хотелось, чтобы товарищи отдохнули. Маленький кинопроектор с треском бросал на стену эпизод за эпизодом, мелькали нарядные мундиры карабинеров, куда-то ехала на ослике Джина Лоллобриджида... На экран смотрели мало. Разговор имел самое прозаическое направление: что есть где-то машины для чистки картошки, хорошее изобретение, только от нее сейчас пользы было бы мало. Она требует продукт ровный, одинаковый, а такой разнокалибер разве машина возьмет? Дочистили, досмотрели фильм и завалились спать: через несколько часов нужно было вылетать снова. Летчики не для себя чистили картошку: они уже поужинали, а к завтраку будут далеко отсюда. Картошка предназначалась для других, для тех, кто прилетит сюда завтра...

Станция «СП-8» была очень ценна для науки тем, что совершала дрейф по необычной траектории и вышла в совершенно неисследованный район Северного Ледовитого океана, так далеко не была еще ни одна из наших дрейфующих станций. Поэтому одновременно с ее ликвидацией стал вопрос об организации новой дрейфующей станции.

Когда дописывались эти строки, зимовщики уже прибыли домой, летчики разлетелись по своим базам, а начальник экспедиции Волков находился в воздухе где-то в районе полюса: шли поиски льдины для высадки станции «Северный полюс-11», для людей, которые придут туда завтра.

В начале учебного года состоялся здесь традиционный карнавал. Как и прежде, это был очень веселый карнавал с парадом костюмов, стрелковым аттракционом, танцами, вручением грамот «Маяка», чествованием появившихся в доме первоклассников. И, несмотря на самокритичные протесты Нины, союз за этот карнавал прибавил 29-ю звездочку на Знамя «Радуги».

29 звездочек — 29 хороших дел, сделанных сообща в одном доме. Но разве отметишь звездочкой «укрощение Силкина»? Как будто ничего не сделано, а между тем, возможно, это больше, чем веселый карнавал.

Недавно же здесь произошло следующее.

У Знаменосца Лиды Абдуллаевой умер отец. Осталось в семье 8 детей. Приехала из деревни бабушка, стала уговаривать Лидину мать: Лиду надо выдать замуж. Это Лиду-то, школьницу, девочку 14 лет! Впрочем, в бабушкины времена столь ранний брак на Кавказе не был чем-то необычным. Кроме того, по мнению бабушки, это был единственный выход из затруднительного материального положения, в которое попала семья. И жених, мол, есть, односельчанин. Он тут же объявился, стал похаживать в дом, угрожать не на шутку встревоженной Лиде.

Знаменосцы подняли тревогу. Держись, Лида, союз идет тебе на выручку! Ермаков пошел в городской комитет комсомола, Командор и руководитель клуба — в ЦК ЛКСМ Азербайджана. Вызвали туда «жениха», устыдили его как следует. А семье решили помочь общими усилиями. Союз возьмет над ней шефство. Комсомол устраивает двух братишек в детский дом. Лиде подыщут такую работу, которая даст ей возможность продолжать учебу в школе.

Второго «жениха» осмелевшая Лида сама выставила из дому палкой.

А на очередной встрече с «союзниками» та же Лида получила сильный нагоняй за грубость с матерью и бабушкой. Что бы ни было, грубить нельзя. В Кодексе законов это значится так: «Не надрывай глотку. Пой потише».

Вот и еще одно хорошее дело. Его тоже не отметишь звездочкой на Знамени радужан. Это из тех невидимых звезд, свет которых идет из глубины и падает вглубь. Они светят везде, где есть дружные люди.

Явка «Союза Знаменосцев».

Всякий раз после того, как «Добрыня», обогнув крутую излучину Волги, выходил на прямую и далеко впереди на желтом обрыве показывалась редкая сосновая роща, сквозь деревья которой розовели одинаковые домики Рабочего поселка, над трубой, клубясь, возникал крутой столбик белого пара и гудок, тягучий и хрипловатый, оторвавшись от парохода, летел к далекому обрыву на берегу.

И неизменно, через минуту после гудка, на пригорок к березе выбегала женщина, придерживая накинутый на голову пестрый шарф. Иногда ее опережала девочка, или они бежали на пригорок вместе, держась за руки. Бывало, что с ними рядом оказывались двое мальчиков. Еще издали они начинали махать пароходу платками, руками или шапками, а с верхней палубы старший механик Федотов, приподняв над головой фуражку, сдержанно покачивал ею в воздухе и так же сдержанно улыбался (хотя улыбки его никто не мог видеть) до тех пор, пока фигурки людей на пригорке не становились маленькими, как муравьи.

На пароходе все привыкли к этой неизменно повторявшейся в каждом рейсе церемонии. Матросов забавляло, и им нравилось, что женщина и ребята такие аккуратные — ни единого раза не пропустили ни в грозу, ни в ливень. И то, что ребята, все трое, как один, были рыжие, всем казалось еще лишней приметой их спаянности и постоянства...

Так было в прошлом, и позапрошлом году, и три года назад, когда еще только-только закончили постройку поселка для работников судоверфи и пароходства.

И только в этом году с первого же весеннего рейса все изменилось. После гудка на пригорок стала выходить одна только рыженькая девочка. Мальчики тоже иногда бывали с нею вместе — то один, то двое. Случалось, что и ни одного не было, но девочка всегда была на своем месте, с прежней пестрой косынкой, которую она высоко держала в поднятой руке, точно сигнал «счастливого плавания» кораблю.

Проводив ее глазами, матросы думали о том, каково ей теперь возвращаться в пустой дом, где до конца навигации ей приходится самой вести хозяйство с младшим братом.

Конечно, все знали, в чем дело, знали, что веселая жена Федотова, проболев всего три месяца, умерла весной от болезни, которую еще не научились как следует лечить, что ребята остались без матери, а Федотов за эти месяцы постарел, потемнел и притих, и теперь в его тесной каютке всегда закрыта деревянная решетка жалюзи, чтоб не выгорала на стене фотография, с которой весело щурится от ветра и солнца женщина, придерживая край взлетающего по ветру платья. А за спиной у нее смутно видна береза на пригорке...

Только немногие в управлении пароходства и на «Добрыне» знали, что женщина, которая умерла, никогда не была официальной женой старшего механика и что дети, все трое, были не его. Поэтому, когда в поселке разнесся слух, что объявился настоящий отец и скоро заберет ребят к себе, этому не сразу поверили.

Однако он действительно приехал месяца через полтора после похорон, остановился в городской гостинице и на такси приехал в поселок.

Предупрежденный заранее, Федотов его ожидал.

Машина остановилась у самого крыльца. Но в доме как будто ничего не слышали. Когда приезжий вошел, ему навстречу, тяжело опираясь о стол, медленно поднялся пожилой человек. У него за спиной стояли в напряженном ожидании, плечом к плечу, трое ребят: сероглазая девочка лет двенадцати, долговязый рыжий подросток — старший, и средний мальчик с детским личиком, казавшийся самым младшим из всех троих.

Все торопливо и натянуто поздоровались с приезжим. Когда он снял легкое пальто, у него на рукаве обнаружилась креповая повязка. Хотя они только полтора месяца как похоронили мать, именно у приезжего был такой вид, будто он прямо с похорон,— тактично-скорбный вид человека, умеющего с достоинством нести тяжесть горестной потери. Пытливо вглядываясь в лица ребят, он ласково и печально улыбался.

— Вы меня, наверное, успели совсем позабыть? — не то виновато, не то мягко укоряя и тут же прощая, спросил он.

Мучась от неловкости за отца, девочка поспешила ответить, что помнят, конечно, очень хорошо его помнят.

— Вы подросли с тех пор, а я постарел, как видите,— грустно улыбаясь, продолжал отец.— Что делать, жизнь сложилась не самым лучшим образом.

Поговорили о том, кто где учится, кем мечтает стать. Только старший, Эрик, знал, что будет судовым механиком, у младших еще просто глаза разбегались. Девочка достала из комода и показала диплом, полученный на юношеских соревнованиях по гимнастике. Среднему нечего было показать, и девочка за него сказала, что он очень любит ездить на велосипеде.

— Я уверен, мне придется еще гордиться вами! У тебя хороший велосипед?

— Да нет...— ответил мальчик.— Не у меня. У ребят. Мы с ребятами гоняем.

— Это тоже хорошо, значит, вы дружно живете с соседями,— одобрил отец. Он вздохнул, с сочувствием в упор глядя на механика.— Ну, что ж... товарищ... Владимир Владимирович, мы ведь оба с вами немолоды, правда?

— Какая уж молодость,— тихо ответил механик, разглядывая свои большие руки, устало и тяжело лежавшие на столе.

— Да, прошла молодость. Мы пожилые люди. Нам нужно решать жизненные вопросы, не поддаваясь чувствам, а по велению трезвого рассудка, все взвесив и обдумав. Вы согласны со мной?

Механик молчал, не отвечал, ждал. И он продолжал:

— Мы не будем ворошить старое. Не будем обвинять или упрекать друг друга. Правда?

— Не будем,— согласился механик. Ему, видно, это и в голову не приходило.

— Мы оба не ангелы и очень часто поступали далеко не как ангелы. Но покаяние хорошо только в церкви, а нам с вами там нечего делать, не правда ли? — Он грустно усмехнулся и оглядел лица детей.

Они молчали и слушали изо всех сил, просто впитывали каждое слово.

— Дети,— сказал он и дрогнул голосом.— В вас течет моя кровь. Вы мои родные дети... Я отвечаю за вашу судьбу. Мое единственное желание и мой долг—помогать вам, заботиться о вас. Мы должны жить вместе, одной дружной семьей. Я приехал для того, чтобы мы заново узнали друг друга. Я хочу, чтобы вы жили там, где вам будет лучше... Вот и все мои

Ф. КНОРРЕ

РОДН

Повесть

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

желания: только чтоб вам было легче, лучше и приятней... В ваших глазах я читаю вопрос: почему же я не приехал раньше? Это законный вопрос, но вы, наверное, догадываетесь, какой будет ответ. Я был обижен вашей матерью. Я чувствовал себя глубоко оскорбленным, но потом я ее простил, я писал ей об этом... Теперь это все в далеком прошлом. Я все это отбрасываю, даже говорю об этом в последний раз. Никто не услышит от меня больше ни слова осуждения вашей матери за ее ошибку. Надо помнить о ней только хорошее, ведь дописана последняя строчка последней страницы ее жизни, и книга закрыта...

Девочка коротко вздохнула, раз, другой, третий, все короче, прерывистей. Никто на нее не обернулся.

— Вот и все, детка, все,— ласково сказал отец.— Со старым покончено. Ведь я приехал сюда только для того, чтобы говорить о вашем будущем, о хорошем и светлом будущем... Уважаемый Владимир Владимирович, такие вопросы не решаются в один час. Мы еще поговорим. Я привез ребятам кое-какие подарочки, так, разные пустяки, они остались у меня в гостинице. Если вы не возражаете, мы прокатимся на машине. Пообедаем там у меня, а потом я привезу их обратно. Хорошо? Вы ведь не будете протестовать?

— Отчего же? — медленно выговорил механик.— Поезжайте!

— Не знаю,— сказал старший.

— А можно мне сесть на переднем сиденье, рядом с шофером? — попросил второй мальчик.

— Ну ясно, на переднем! — сказал отец.

— Не знаю, право,— повторил старший, покосившись на Федотова.

— Отчего же, поезжай! — сказал Федотов.

Девочка ушла за занавеску и немного погодя вышла оттуда в своем лучшем платье. Старший, угрюмо пятясь, нехотя позволил ей повязать на себе галстук. Потом все, кроме Федотова, пошли к машине. Скоро звук мотора заглох вдали, машина выехала на шоссе. Механик остался сидеть за столом, как сидел в ожидании прихода посетителя. Он никогда не оставался еще один в этом доме и чувствовал себя теперь очень странно.

Ему стало казаться, что дети уже уехали совсем, навсегда и он остался один. Долгие годы, когда они жили всей семьей, им вечно чего-нибудь не хватало, он всегда был озабочен тем, что надо кормить, одевать, устраивать учиться ребят, лечить, думать о квартире попросторней.

И вот теперь все заботы с него будут сняты, кроме одной: как же жить дальше, когда у тебя нет никаких забот! Кроме как наесться, одеться и выспаться самому. А это уж человеку хуже всякой нужды. Самая собачья жизнь.

«Не будем вспоминать старое!..» Ничего не скажешь, говорить он умеет. И к ребятам ключ подобрать он тоже сумеет, пожалуй. И жаловаться-то не на что! Главное, сам-то хорош, ни одного толкового слова не сумел сказать в ответ. Да и не сумею. Так и буду сидеть, уставясь в пол, и бубнить: «ладно», «да», «как хотите». Не мудрено, что рядом с настоящим этим отцом выглядишь бирюк бирюком. Разговорить меня только она одна умела. С ней я почему-то мог. А по совести, какой я воспитатель ребятам? Молчу да буркаю, а что у меня на душе, это сквозь бушлат не видать, да и не интересно никому. Да и что говорить-то? Напоминать о своих заслугах? Что я их кормил, одевал? Часто не очень-то сытно кормил и не очень-то тепло одевал. Нет уж, до этого дойти, лучше сквозь землю провалиться от стыда...

И очень возможно, что все вполне справедливо, если дети уйдут к отцу. Может, он очень даже хороший человек. Вот приехал же за ними. Что меня от него воротит — это совсем особое дело. Когда у тебя с человеком счеты, правильно судить не можешь. Не любишь человека — хоть тресни, и все. А другим он, может, очень даже хорош...

А все-таки это толково устроено, что человек заранее не знает конца своей истории. Всю жизнь пришлось бы жить, как под черной тучей, если бы знать, что наступит такой вот час: зашумит мотор такси, еще будут слышны минутку голоса ребят, и вот останешься один за пустым столом, точно в обкраденной квартире, откуда вынесли все вещи, да еще надо как-то тут дальше жить.

Он, стискивая от тоски руки, встал, огляделся вокруг и ничего не узнал. Неужели же ничего не осталось ему? Все вывезли?

Вдруг он с облегчением сообразил, что ведь можно закурить. Торопливо достал папиросу, зажег спичку, затянулся и снова сел на прежнее место, за пустой стол. Значит, кое-что все-таки еще остается: можно вот сесть, покурить. И за то спасибо. И сейчас же вслед за тем вспомнил русскую печь, ночь, колеблющийся такой драгоценный свет единственного в доме маленького фитилька в лампочке и розовое со сна, совсем еще детское личико девочки с растрепанными рыжими волосами, ее маленький нос, точно у принюхивающегося кролика; вспомнил, как, проснувшись среди ночи, она, услышав запах табака, успокоенно что-то пробурчав, падала лицом обратно в подушку и засыпала, узнавая по запаху, что он в доме, значит, не страшно спать и жить не страшно, раз он рядом. Пускай сейчас она об этом и думать позабыла, но он-то помнит, и этого у него не отнимут. Это уж с ним останется навсегда. И это, и фонарик в дождевом тумане у черной реки, и этот голос, с таким отчаянием крикнувший в непроглядную темноту: «Тебя тут нет?..» Все это, переломившее пополам тогда его жизнь, останется с ним. Фонарик в ночи, с прилипшим к стеклу желтым листом, у него никто не отымет и в другой город не увезет, это уж нет! Надо только не спешить, не суетиться, чтоб не запутаться. Надо все вспоминать по порядку, чтоб не сбиться...

Ведь, наверно, двадцать раз встречал он осень в деревне. И не упомнишь, сколько раз в городах. И еще две осени встретил на фронте. И вот пришла эта единственная, одна за всю жизнь, эта десятидневная осень. Ты точно только родился, заморгал, раскрыл глаза и увидел все в первый раз с таким изумлением и ясностью, что даже сердце щемит, режет, точно глаза от слишком яркого света.

Эта осень была солнечная, тихая. Сойдя с маленькой пристани, он прошел насквозь знакомый тихий городок, только, кажется, и живший ради этой пристани на берегу Волги, и шел березовыми и дубовыми рощами, и кругом были застывшие водопады лимонных, желтых и красных листьев в тишине, в которой слышно шуршание каждого листа, сорвавшегося с вершины дуба и летящего до земли, цепляясь за ветки.

Позади, где-то очень далеко, был фронт, госпиталь с двумя операциями, и впереди опять был фронт, а между ними эти вот десять дней осени, тишины, передышки. Шел первый день отпуска.

Все казалось ему удивительным и каким-то ненастоящим в первые часы: трамваи, штатские люди в лавках, афиши кино, и целые улицы без единого разрушенного дома, и теперь вот эти деревья в тишине, занятые своим важным делом освобождения от листвы, приготовления к зиме.

Но по опыту он знал, что скоро и это станет привычным, а еще немного погодя, когда кончатся эти десять дней, и он снова окажется на своем месте водителя танка, и возьмется за знакомые рычаги управления, захлопнется верхний люк, и он снова взглянет на исковерканный мир сквозь смотровую щель, и сквозь оглушающий рев моторов расслышит первый удар «своей» пушки,— все теперешнее: тишина, прозрачный воздух, далекий берег Волги и это ни с чем не сравнимое отсутствие постоянного ощущения линии фронта, разделяющей весь мир на две части,— все покажется снова далеким, как луна.

Дорога пошла под уклон, он начал спускаться к переправе на речке Саранке, втекавшей поблизости в Волгу. От переправы было всего километров двенадцать до деревни, куда он шел. Правда, не очень спеша, но все-таки шел, потому что его там когда-то знали. Потому, что это было единственное место, где жили все его самые близкие на свете родственники: двоюродные племянники да неродные тетки.

Мост начали было строить, да из-за войны, видно, бросили — только несколько свай торчало по обе стороны реки. Тяжелый смоленый паром с квадратным носом собирался отчаливать с того берега. Белая лошаденка покорно втащила на паром телегу с мешками, на которых сидела высоко, как на троне, старуха, и сейчас же, закрыв глаза, низко уронила голову. Она и в самолете бы, наверное, так же заснула, если бы ее туда заставили втащить воз.

Мужчина тянул канат. Одной рукой, не очень-то надрываясь, сразу видно было, что только помогает по своей доброй воле. Значит, за паромщика работает теперь женщина, та тянет канат на совесть. Платок сбился у нее со лба, и он увидел, что женщина рыжеволосая. На ней была короткая, туго подпоясанная курточка и короткая юбка, ноги упруго упирались в доски палубы. Силы в руках у нее, видно, было не очень много, так она брала гибкостью, работала всем телом: ухватившись за канат, тянула на себя, откидывалась назад, туго выгибая спину, выпрямлялась и снова тянула, отгибаясь назад. Если не обращать внимания на канат, это было похоже на то, как в воде покачивается водоросль. Набегая на берег, волны одна за другой легко гнут ее, а она каждый раз, вильнув, выпрямляется, и все остается на месте.

Паром медленно надвинулся на причальный мосток, женщина отпустила канат и подняла голову. Он мельком увидел ее лицо, серые глаза и чуть не присвистнул от удивления, весело подумав: «От это да!» — так хороша она ему показалась.

Она получила деньги за перевоз, дала сдачи и оторвала два серых талончика от квитанционного блокнотика. Старуха взяла талончик, а мужик только отмахнулся. Паромщица разорвала пополам талончик и бросила в воду. Деньги — грязные рублевки — она бережно сложила и спрятала в карман на груди.

А Я К Р О В Ь

Федотов поздоровался и, когда телега съехала на берег, вошел на паром и положил свой мешок на палубу.

Женщина стояла к нему спиной, облокотившись о перила, и смотрела на воду у борта парома.

— Подождем немножко,— сказала она, не оборачиваясь.— Еще кто подъедет.

— Ты как, мужу помогаешь? Или сама за начальника переправы? — спросил Федотов.

— Сама.

— А муж есть?

— Не знаю. Был.

— На фронте?

— Не знаю. Все может быть.

— Теперь бывает. Не знают сами, замужние или вдовые.

— Твоя не вдовая.

— Моя незамужняя,— усмехнулся Федотов.— До войны все некогда было, а в войну жениться как-то ни к чему. Вдов и так хватает.

— Ты что, артиллерист? — спросила женщина, не оборачиваясь.

— Это почему же такая резолюция?

— Так. По форме. Такая похожая.

— Танкист,— сказал Федотов.

— А-а... А ты фашистов видел?

— В живом состоянии мало. А что?

— Да так. Все понять не могу. Жили мы, как все люди. И вдруг просыпаемся — нас бомбят, с воздуха бьют как попало. Мы с детьми бежали, с узлами, со стариками, а нас еще на мосту старались убить. И ни одного человека мы так и не видели. Никак не могу понять. Потом мы на грузовике, на поездах разных, на пароходе все ехали, и все казалось, что они за нами гонятся. От самого Балтийского моря вот куда добежали.

— Сами из Прибалтики, значит?

— Ну да... А ты убил хоть одного?

— Если б их не убивать, они бы и тут давно были, у тебя на переправе. Вот бы нагляделась тогда, какие они бывают.

— Нет, теперь я стала верить, что они сюда не дойдут. А отчего у тебя на щеке пятно?

— Где?

— Ну, на правой щеке.

Привалившись грудью к перилам, она все смотрела вниз на воду, ни разу не обернувшись.

— Забавное дело получается,— удивился Федотов.— На меня даже не поглядела, а все спрашиваешь.

— Глянула, значит. Ожог это?

— Ожог. А как ты, не глядя, видишь? Чуднáя, честное слово!

Две порожние телеги, съехав под горку, шагом въехали одна за другой на паром.

Женщина поздоровалась с паромщицей и насмешливо сказала:

— Солдата себе в помощники подобрала? Это хорошо!

Федотов взялся за канат, паром туго сдвинулся с места, вода зажурчала у бортов. На том берегу женщина опять оторвала талончики и получила деньги. Федотов тоже заплатил за себя. Телеги уехали.

— Ну, что ж ты? Сходи,— сказала женщина.

— Да не знаю, уж не раздумал ли я?

— Сходи, не дури.

— Да ведь мы не договорили. Как это ты на человека не глядишь, а видишь?

— Поживи так вот два года тут в овраге — тоже научишься... В городе людей много, и все мне казались похожие, поглядел — и забыл.

— А в лесу как?

— Не так. Посмотришь на человека и потом долго его видишь ...если хочешь. Уж он ушел, а ты его разглядываешь, какой он... Все-таки не так скучно.

«Факт, что чуднáя»,— убежденно решил Федотов.

С другого берега закричали:

— Паро̀м!

— Ну, сходи,— сухо сказала женщина и взялась за канат.— Сходи живо, а то на тот берег увезу, там и останешься.

Федотов, беззаботно посвистывая, взялся за канат и начал тянуть. Молча они переехали на ту сторону, перевезли вдвоем пассажиров и потом еще раз пять переехали туда и обратно. Он все не сходил. Разговор больше не вязался, почему-то обоим было как-то неловко: вроде стали уже немного знакомые, пошучивать неудобно, а знакомства настоящего еще нет и говорить не подберешь о чем.

Переехав в шестой раз, Федотов наконец подобрал с досок палубы мешок, вскинул на плечо и попрощался.

— Пожалуй, мне пора, до деревни километров двенадцать, как раз дойду засветло.

Он поднялся на пригорок, шагая без дороги по усыпанному пестрой листвой откосу, поросшему дубами и березами, потом вышел на вершинку и зашагал по дороге, мягкими извивами уходящей в поля.

Еще несколько раз со все большими промежутками паром, лениво плескаясь бортами в тихой воде, переплывал речку. Дорога обезлюдела, и в сумерках стих ветер. Деревья на склонах оврага перестали шуршать сохнущей, желтой листвой. С середины речки, когда открывалось ее устье у впадения в Волгу, на той стороне большой реки виден был еще освещенный заходящим солнцем луговой берег.

После долгого перерыва собралось трое пешеходов. Женщина привычно налегла на канат, паром двинулся, и она увидела, что на той стороне сидит танкист на пригорочке и курит.

— Ты что ж тут сидишь? — спросила она сердито, когда ушли люди.

— Да похоже, что раздумал сегодня в деревню. Завтра поспею. Мне это место понравилось.

— Так и будешь сидеть, как пень?

— Точно. Вот тут у березы я себе поставлю дом. И вот с этого боку крылечко. И буду на приступочке сидеть и смотреть, как ты паром тянешь. Вот только война кончится, я сразу прямо сюда приду.

— Приходи,— сказала женщина.

— Так приходить?

— Приходи.

— А куда ты уходишь?

— Кончила работать, домой иду. А ты куда?

— А так, за тобой.

— Заходи, коли хочешь ребят поглядеть.

Они вошли в избу паромщика, построенную давным-давно у перевоза, и он сразу увидел троих рыжих ребят — двух мальчиков и девочку. Старшему было лет восемь, а другие двое были совсем малыши, года по четыре, наверное.

Вокруг рубленые щелястые стены, не на чем глазу остановиться, бедность самая голая, уж сразу видно.

Не обращая на него внимания, женщина достала из кармана деньги, пересчитала; что-то не сошлось, и она оторвала и бросила в печь еще один талончик.

— А я было думал, ты шутишь насчет ребят,— сказал солдат, все еще стоя в дверях.— Неужели, правда, твои?

Не отвечая, женщина мягким округлым движением сбросила с головы платок. Действительно, волосы у нее, в точности как у ребят, были рыжеватые.

Облупленная русская печь топилась трескучим хворостом. Старший мальчик сидел и подкладывал прутики, сосредоточенно глядя в огонь. Двое других сидели за столом с ложками в кулаках в ожидании. Стол был аккуратно накрыт газетой, вообще все было, как в порядочном хозяйстве, хотя всей посуды — лишь глиняные мисочки да ложки. Соль держали в консервной банке. Только красивый нож с роговой ручкой лежал посредине, чтобы все могли пользоваться им по очереди.

— Пожалуй, я сегодня дойду,— бодро сказал Федотов, не зная, куда глаза девать от неловкости.— Двенадцать километров, пустяки.

— Конечно, иди,— сказала женщина, не оборачиваясь, и чуть усмехнулась.

Девочка, не отрывавшая от него глаз с самого начала, отложила ложку, соскользнула с лавки и, морща нос, улыбнулась. Во рту у нее не хватало нескольких зубов. Она потрогала пальцем его ногу и добродушно предложила:

— Ты оштавайшя, ложишь тут, у пешки. Тепло!

— Он не останется,— вызывающе громко сказала женщина.— Садись на место, картошка готова.

Девочка вернулась к столу, взялась за ложку, торжествующе напевая: «Картошька, картошька!..» Вдруг спросила: «А хлеб жавтра?» — и сама себе очень бодро ответила: «А хлеб жавтра!»

— Кричат,— сказал старший мальчик.

— Кто это ночью? — недовольно сказала женщина.— А, это машина!

Солдат вышел следом за ней из избы, и они вместе пошли к перевозу.

— Вот машина на ту сторону просится,— сказала на ходу женщина.— Тебе попутная, подвезет.

— И правда, надо отправляться,— сказал Федотов.— У тебя ребята, тесно...

— Поезжай.

— ...И муж у тебя, наверно, солдат.

— Нет,— вскользь сказала женщина.— Ну, прощай.

Они переехали на тот берег и опять — в который уже раз — вернулись вместе назад, молча, без единого слова, и сошли на берег.

— Что ж ты не уехал? — тихо спросила женщина.

— А я почем знаю? — раздраженно огрызнулся Федотов.— Я сам удивляюсь. Может, ты мне ноги связала... Да я и шинель там бросил.

Они вернулись в избу. Солдатская шинель шевелилась, ходуном ходила на печи. Из-под нее слышался придушенный смех, повизгивание: дети, как щенята, возились, накрывшись с головой.

Мать их строго окликнула, и три взлохмаченные рыжие головы выползли, все с разных сторон — где у одного ноги, у другого отдувающаяся после жаркой возни красная физиономия.

Женщина сняла и аккуратно сложила шинель, согнала ребятишек на пол, подбила сенник и поправила подушки. Девочка в это время опять подошла к Федотову и сделала потихоньку знак, показывая на место у печки, где стояла лавка, и прошепелявила: «Давай вот тут, у пешки».

— Ладно, ладно,— сказал Федотов,— беги, ложишь!

— Не шмей дражнитша, дражнилка! — Она захохотала, замахнулась на него и убежала.

Федотов стоял и смотрел, как все трое торопливо, чтоб не замерзнуть, раздевались и потом в штопаных, застиранных майках и трусиках карабкались обратно на теплую лежанку. Мать покрыла их всех одной простыней и клетчатым мягким пледом, сверху подоткнула замусоленное ватное одеяло и поцеловала всех по очереди.

Он поглядел на свою большую шинель, не по форме, по-домашнему сложенную женщиной, на мятые маленькие штанишки и линялые рубашонки, лежавшие рядом, и какая-то унылая тоска поползла к сердцу оттого, что он почувствовал себя таким постыдно сытым, тепло одетым, большим и сильным. «Пойду в город и напьюсь»,— подумал он и сказал:

— Ну, я двинулся... Вернусь в город, в кино схожу.

— Иди,— сказала женщина и усмехнулась.— Я забыла даже, когда в кино была. Наверное, два года... Что ты удивляешься? Все-таки нездешние мы тут, все как-то... не с кем, или...

— Хочешь, пойдем?

— Ну, куда там! Одета уж больно плохо. Тебе, может, со мной неловко будет. Иди-ка один.

— Пошли, что глупости говорить.

Она поправила волосы, расправила под платком складки на своей курточке, и они вышли в темноту.

— Не боятся твои одни оставаться? — спросил Федотов, когда они поднимались наверх по косогору.

— Маленькая побаивается ночью.

— Как это вам помогло? В экую даль занесло?

— Так... Мы все бежали, бежали, от бомбежки подальше. Вот сюда и занесло. Квартиры не было, нам и предложили пустой домик на перевозе. Мы рады были. Сначала ничего было, потом муж уехал куда-нибудь устраиваться, а мы тут остались.

— Так он что, бросил вас, что ли?

— Нет, он не бросил... Так. Иногда денег немножко присылает. Ему самому трудно, он где-то в общежитии живет. Писал — устроится хорошо, нас к себе возьмет. А мне теперь все равно, даже не знаю, что хуже.

— Что же, знакомых у вас никого тут нет, в городе?

— Есть... Тут хорошие люди, только сами сейчас все бедно живут. Нам помогали. Топор нам дали, пилу, еще кое-какие вещи, у нас ведь ничего не было... У одного дедушки, у Дровосекина, в доме мы жили целый месяц, он за нас ругаться ходил в горсовет...

Вдоль улицы в темных домах кое-где светились керосиновые огоньки за занавесками: света в городе не было.

На тесной базарной площади, около пристани, против каменных лабазов у кино стояли, прохаживались и сидели на ступеньках в ожидании «света» люди, пришедшие в кино.

Они тоже присели рядом на ступеньки около посудной лавки со ставнями, закрытыми допотопными железными полосами.

— А тебя почему отпустили с фронта? — спросила женщина.

— Не с фронта, а после госпиталя. Вот тут, в кармане. Полных десять суток. А завтра уже девять останется.

— Нет, ты погляди, никак, она солдата себе достала! Ты что, его с того берега себе на пароме привезла?

Женщина оглянулась, весело кивнула и шутливо взяла Федотова под руку:

— А как же, конечно, на пароме!

— Вот до чего и то ничего!

Вдруг разом зажегся свет над подъездом кино. Все ожили, задвигались, столпились около закрытого входа. Двери были заперты. Кто-то постучал сперва легонько, потом, подбадриваемый теми, кто стоял подальше, начал колотить в дверь. Зажглась лампочка где-то в глубине, потом долго ворочался ключ в замке, дверь приотворилась. Придерживая ее за ручку, высунулась заведующая кинотеатром, большая и толстая, с таким выражением озабоченного лица и скошенного набок рта, точно тащила издалека ведра с землей, а ее тут задерживали на полдороге разговорами.

— Кино не будет, ну чего дубасите! Дверь поломаете! — раздраженно выкрикнула она в толпу и сделала попытку потащить свои ведра дальше, но ей не дали захлопнуть дверь, загалдели, начали возмущаться.

— Не будет, сколько вам повторять. Механика в военкомат вызвали!

— Ты посиди,— сказал Федотов и стал протискиваться через толпу, повторяя: — Ну-ка, пропусти, я с ней поговорю.

Женщины охотно стали сторониться, злорадно приговаривая:

— Пустите его, правильно, вот пускай фронтовик с ней поговорит по-своему! Как это — не будет!

Он добрался до двери, заговорил с перекошенной от тяжелого бремени сознания своей власти заведующей и потом как-то вместе с ней вдавился в дверь, после чего внутри лязгнул засов.

В толпе начали расхваливать солдата, уверять, что он сумеет похлопотать за всех, но время шло, и все быстро перешли к унылым рассуждениям о том, что солдат тоже ничего не может сделать. Кое-кто уже начинал даже поругивать солдата, как вдруг где-то в глубине здания, за стенами, грянула бодрая, торжествующая музыка марширующего оркестра, и темная площадь со старыми лабазами, с бугристой булыжной мостовой вдруг точно осветилась, и люди, пришедшие сюда по темным улицам из наполовину опустевших жилищ, после тяжелой работы, с ноющим от страха или горя сердцем, в надежде на полтора часа отдыха и хоть самой маленькой радости,— все ожили, успокоились и обрадовались.

Минуту спустя музыка замолкла, распахнулись обе створки двери, и все повалили к осветившемуся окошечку кассы.

Солдат шел навстречу входящей толпе, отмахиваясь от непрестанных вопросов, отвечая всем со снисходительным удовольствием:

— Будет, будет, все будет, заходи, братцы!

Он подошел к ступенькам посудной лавки, где она сидела, дожидаясь его, одна на опустевшей площади.

Доверчиво и обрадованно она поднялась ему навстречу.

— А я уж думала, ты про меня позабыл!

— Чего испугалась? Эх, ты! А я для тебя, как для принцессы, специально кино открыл!

Он взял за руку и повел ее через фойе в наполненный зрителями зал, потом по коридору и по ступенькам провел через железную дверь в кинобудку.

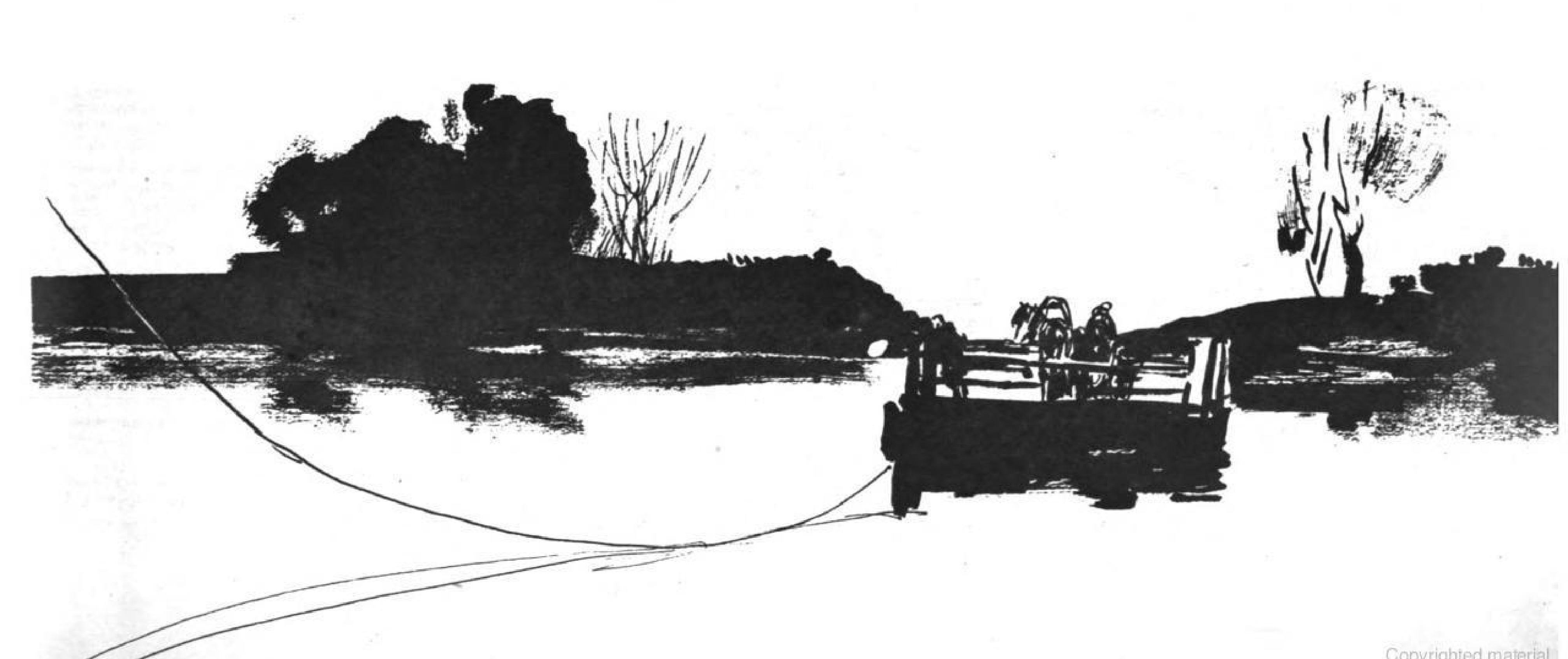
Показал на окошечко, из которого был виден экран и затылки сидящих в зале людей.

— Хочешь, отсюда будешь смотреть, а нет, я тебе в зале стул поставлю.

— Нет, я с тобой буду.

В будке зазвонил звонок, и заведующая из зала крикнула, что можно начинать.

Женщина видела, как он перекладывает круглые жестяные коробки, что-то подкручивает в аппаратах, закрытых черными кожу-

хами, внутри которых сияет ослепительный свет.

Один из аппаратов зажужжал, снова оглушительно грянула маршевая музыка, длинный голубой луч из будки уперся в разом ожившее серое полотно экрана. Встала Кремлевская башня с часами, двинулись физкультурники, промчался поезд, и началась хроника, а после нее иностранная картина. Среди колючих деревьев, похожих на гигантские подсвечники, скакали всадники в широкополых шляпах, кони взлетали на дыбы, хрипловатые, низкие голоса пели под гром и рокот гитар. Очень хорошо пели, просто за душу хватала эта чужеземная хриплая песня, в которой ни одно слово не было понятно. Танцевала смуглая девушка с прекрасными глазами, и вокруг нее топтались мужские ноги в сапогах на высоких каблуках со шпорами. И снова мчались кони и всадники, целой оравой стреляли на ходу; все гнались, подстерегали, убивали одного-единственного симпатичного героя, и всадники летели через голову кувырком вместе с конями, и все были против одного, просто глядеть обидно, так бы сам подстрелил какого-нибудь преследователя. Все охотились за героем и осыпали пулями, и только одна девушка с прекрасными глазами его спасала, и все пули в него не попадали, а его единственный выстрел угодил наконец прямо в злодея с кошачьими усами, и тому пришел конец. И это было очень приятно: собаке собачья смерть, наверное, фашист какой-нибудь. И опять загремели, зарокотали гитары, и затопали в пыли каблуки со шпорами, и, изгибаясь, пошла танцевать девушка с тем парнем, который только что чуть было семь раз не погиб; и в тот момент, когда они обнимались, подошел конец картины, так что никто больше не мог им сделать ничего плохого, можно было не бояться, что еще раз подкрадутся какие-нибудь с усиками, что они постареют или разлюбят друг друга, потому что пленке пришел конец и врагам уже неоткуда было взяться. И состариться им просто было уже негде, и они остались навек молодыми всем на радость.

Федотов остановил аппарат и рубильником включил свет в зале.

— А что, хороша сказка! Тебе понравилось?

— Почему сказка?

— Ну, как же? Все как взаправду, только в жизни прохвосты редко так промахиваются. Досадно, а факт!

Он сложил в стопку плоские коробки с пленкой, они закрыли за собой железную дверь и через коридорчик вышли в зрительный зал. Там снова оживленно толпились, рассаживаясь, какие-то люди. Заведующая с перекошенным от непомерной озабоченности лицом загородила Федотову выход.

— Куда ж ты уходишь? Мы уже продали билеты на второй сеанс.

— А меня спросили? — сказал Федотов.

— Народ собрался, народ требует,— сказала заведующая тем самым озабоченным голосом, которым полтора часа назад она кричала: «Кино не будет, чего дубасите!»

— Очень интересно. Думаешь, зануздала да поехала?! У меня, может быть, часы считанные.

Еще минутка — и он поругался бы с заведующей и ушел со злости, но в зале откуда-то уже все знали про солдата, и со всех сторон раздались голоса, упрашивающие, уговаривающие, шутливые и серьезные.

— Ну, покажи им еще разок. И мы посмотрим,— тихонько сказала женщина, и ее сразу поддержали:

— Правильно, ты уговори своего солдата, нам ведь тоже посмотреть охота, другие вон откуда пришли, за пять верст!

— Чтоб вам всем лопнуть! — весело сказал солдат и пошел обратно в будку.

Снова гремела музыка в маленьком зале, посреди темной площади маленького городка, и кругом были тысячи километров темноты, спящих деревень и затемненных городов, а еще дальше лежал изрытый, ископанный фронт на обожженной земле, и люди все время о нем помнили, он лежал у них тяжестью на сердце, но все-таки хоть полтора часа музыки гитар и скачки в маленьком закрытом зале им подарила сегодня для передышки судьба.

Продолжение следует.

Майское раздумье

Василий ЖУРАВЛЕВ

Нам говорят:
— Какие ж вы поэты,
когда вас давит времени печать?
О чем сегодня прокричат газеты,
о том и вы стараетесь кричать.
Как бы слагаете стихи, а в сумме
нет ни поэзии,
ни прозы никакой.
Вот над стихами
«Майское раздумье»
написано размашистой рукой.
И ждется:
два крыла расправит птица.
И, завертев цветочную метель,
над ручейком забытым
закружится
черемухи весенней карусель.
И ждется:
под вздыханье стройной лиры
вдруг вломится,
рождая красоту,
в оконце сердца,
как в окно квартиры,
танцующая яблоня в цвету.
И ждется, ждется:
солнце у колодца
проснется вновь
и засмеется вновь...
Ах, мало ль что
уставшим чувствам ждется
от муз любви!..
Да только все равно,
слагая современности куплеты
и рифмы обращая в рикошет,
в согласии с передовой газеты,
в политику нас уведет поэт.
И — все!
Ни вйденья и ни видёнья,
ни откровенья,
что светлит сердца,
ни глубины душевного волненья
теперь уже не ждите от певца!..
А я спрошу товарищей:
— Неужто?..
А я скажу:
— Я — человек вполне,
и потому нисколечко не чужды
все чувства человеческие мне.
И потому кричу в стихотворенье:
— Да здравствует,
как солнце впереди,
в глазах любимой
карусель сирени
и карусель черемухи в груди!
Да здравствуют ликующие птицы,
и разноцветье зорь
в рассветный час;
и первый одуванчик,
что в петлице
у пионера светится как раз.
Да здравствует!..
Но, что поделать, если
в желанье
слово счастья добывать,
мне хочется
(пока хотя бы в песне)
с Гагариным или с Титовым вместе
на межпланетной трассе побывать!
Еще мне хочется,
всего сильнее в жизни,
идя в полях по осени ржаной,
большому урожаю коммунизма
порадоваться вместе со страной.
Потом вдали услышать
многошумье
плодов у всех осенних переправ.
И потому я «Майское раздумье»
свожу
не только к пробужденью трав,
но и к наглядности
другой приметы,
к тому, что называют под луной
ответственностью
всех людей планеты,
за мир встающих каменной
стеной!

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

Май бывает разным: щедрым, разноцветным, теплым, звонким и другим — поскупее, похолоднее,— как когда сложится. Но Первомай — всегда праздник, всегда радость. В этот день ни один человек не должен чувствовать себя одиноким — я говорю, разумеется, о людях доброй воли, о людях, честных перед своим народом и человечеством, кем бы они ни были и где бы ни находились.

В 1931 году мы праздновали в Ленинграде Первомай с друзьями из Германии. Я и сейчас вижу полыхание алых полотнищ в безоблачном небе, цветы, голубые рубашки немецких друзей и поднятые в приветствии «Рот фронт!» сжатые кулаки молодых рук. Я и сейчас слышу громовую медь заводских оркестров, бесконечно родную, наполняющую силой мелодию «Интернационала».

Воспоминание об этом дне сохранилось не только у нас, у меня, но и в памяти немецких друзей. Мне приходилось уже писать в «Огоньке» (№ 27 за 1961 год) о том, как мы снова нашли друг друга, как дружба юности выдержала суровое испытание временем и в особенности войной.

В одном из писем мой друг Ванда Бауэрфайнд рассказала о том, как праздновала она Первомай 1941 года. Условия и обстоятельства были довольно необычны. Но предоставлю слово ей самой:

«Когда в Европе началась война, я была политической заключенной в тюрьме Панкрац в Праге. Мне посчастливилось иметь надзирательницей чешку. Мои подруги по камере были большей частью чешские коммунистки, с которыми я подружилась. Из нашей камеры побежал лозунг о том, что Первомай 1942 года мы должны встретить в освобожденной Праге. Это стало лозунгом, мечтой всех заключенных, как и большинства из чешского тюремного персонала. Наш быстрый отклик был вызван настроением всего чешского народа, который я в эти тяжелые дни полюбила.

В ту далекую весну 1941 года мы праздновали Первое мая по-своему, как могли. Накануне мы устроили в камере вечер воспоминаний о самых памятных для каждого празднованиях Первого мая. Старшая из нас, товарищ Ида,— мы называли ее мамашей,— рассказала, как однажды полиция пыталась разогнать первомайскую демонстрацию и как рабочие организовали оборону, чтобы отстоять свои права на улицу, на праздник. Когда подошел мой черед, я рассказала о самом ярком моем Первомае — о Первомае в Ленинграде, с вами, советские друзья, с тобой.

Но вот и утро Первого мая. Мы поднялись раньше обычного. Каждая надела что-нибудь красное, если имела: у кого была алая блузка — то блузку, у кого платок — то платок или хотя бы ленту. Получасовая прогулка в тюремном дворе была на этот раз необычной: шаг наш был тверже и размеренней, чем всегда.

Вернувшись с нашей «демонстрации» в камеру, мы запели «Интернационал». В те минуты мы ощутили свою связь с рабочими всего мира».

Мы знаем, что Прага не была освобождена к Первомаю 1942 года. Мечта Ванды и ее друзей осуществилась лишь в мае 1945 года. Помощь пришла от советских людей, тех самых, которых гитлеровские подонки мечтали поставить на колени, истребить, уничтожить.

Сейчас я получаю письма от старых друзей из Берлина — столицы Германской Демократической Республики,— от новых друзей из Праги. Страна моя строит коммунизм. Есть в этом доля и каждого из нас. Друзья мои, каждый вместе со своим народом, строят социализм, защищают мир. И по новым трудным дорогам их, как и меня, сопровождает мелодия гимна, говорящая о братстве народов, о братстве тех, кто трудится,— с юных лет звучащая в наших ушах и нашем сердце мелодия «Интернационала».

С. Герасимов (Москва). ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ.

Г. Мелихов (Киев). В. РЕПИЧЕВА — БРИГАДИР КРЫМСКОГО ЭФИРО-МАСЛИЧНОГО СОВХОЗА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

ОДИН из ВОСЬМИ

Пауль КЕРЕС,
международный гроссмейстер

На острове Кюрасао собрались 8 претендентов на матч с чемпионом мира Михаилом Ботвинником. Из восьми претендентов на шахматную корону пять — советские гроссмейстеры: М. Таль, П. Керес, Т. Петросян, В. Корчной и Е. Геллер, американцы Р. Фишер и П. Бенко, чех М. Филипп. Каждый сыграет друг с другом по четыре партии, что почти исключает какие-либо случайности. Только самый сильный может оказаться за одним шахматным столиком с Михаилом Ботвинником.

Кто же явится самым опасным соперником нашей славной пятерки? Двух ответов на этот вопрос быть не может: Роберт Фишер.

Да, этот девятнадцатилетний американский шахматист, которого с полнейшим основанием можно назвать учеником советских шахматистов, сейчас стал их самым опасным соперником.

Мы попросили участника турнира претендентов советского гроссмейстера Пауля Кереса, не раз встречавшегося с Робертом Фишером за шахматной доской, познакомить наших читателей с молодым американским гроссмейстером.

Лет десять назад в манхеттенский шахматный клуб города Нью-Йорка зашел какой-то мальчик и попросил разрешения участвовать в одном из очередных блицтурниров клуба. Секретарь клуба, известный шахматный мастер Ганс Кмох, отнесся к этой просьбе весьма скептически, но все же зачислил парнишку в третьеразрядную группу.

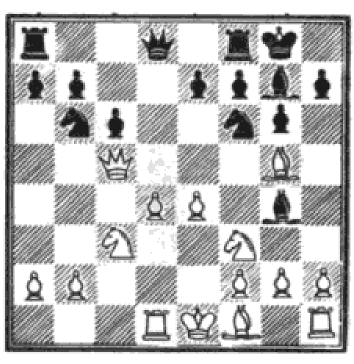
Так появился на горизонте нью-йоркской шахматной жизни Бобби Фишер. Он родился 9 марта 1943 года в Чикаго. В шестилетнем возрасте сестра познакомила его с шахматами. Уже в этом возрасте у Бобби проявилась черта, которая позднее помогла ему стать большим мастером,— неуемная любовь к шахматам. Юный Бобби взялся за шахматную литературу. Он внимательно изучал все, что ему попадалось в этой области, и вскоре принялся за изучение русского языка. «Чтобы читать русские учебники для более опытных шахматистов»,— объяснял он.

После нескольких тренировочных игр в манхеттенском шахматном клубе Бобби в 1956 году принял участие в шахматном первенстве среди юношей и завоевал звание чемпиона США. Своей инициативной игрой Бобби обратил на себя внимание, и, когда в конце того же года в Нью-Йорке был организован очень сильный шахматный турнир, встал вопрос о возможном участии в нем и Фишера. За это время Бобби успел взять почетное третье место на открытом первенстве США, но, несмотря на это, возникли сомнения, стоит ли допускать 13-летнего парнишку к такому состязанию.

В конце концов приглашение ему все же было послано, однако итог турнира был для Бобби не особенно удачен. Из одиннадцати партий молодой шахматист набрал всего лишь 4 1/2 очка. Утешением ему была первая премия за самую красивую партию турнира. Эту партию он сыграл в стремительном темпе против известного мастера Дональда Бирна.

Приводим для наших читателей диаграмму этой партии:

ФИШЕР

БИРН

В этом положении молодой Фишер огорошил своего противника настоящим фейерверком комбинаций, которые сделали бы честь любому гроссмейстеру. Последовало 11... Кb6 — a4! Белым теперь нельзя брать на a4 коня из-за ответа 12... К : e4. Поэтому Бирн продолжал 12. Фc5 — a3 с тем, чтобы после 12... К : c3 13. b2 : c3 К : e4 14. С : e7 отыграть пешку. Но Бобби это все предвидел и предложил жертву качества путем 14... Фd8 — b6! В случае 15. С : f8 С : f8 16. Фc1 К : c3! черные выигрывают. Бирн поэтому играл 15. Cfl — c4 Кe4 : c3 16. Сe7 — c5 Лf8 — e8 17. Крe1 — f1 и, по-видимому, втихомолку злорадствовал над партнером. Ведь конь c3 под ударом, а после 17... Кb5 18. С : f7+ выигрывается качество. Но радость белых была внезапно нарушена ответным ходом Бобби 17... Сg4 — e6! Теперь: на 18. С : e6 следует, конечно, 18... Фb5 + и на 18. Ф : c3 Ф : c5. В отчаянии Бирн сыграл 18. С : b6, но после 18... С : c4 + 19. Крf1 — gl Кc3 — e2 + 20. Крgl — fl Кe2 : d4 + 21. Крf1 — a1 Кd4 — e2+ 22. Крg1—f1 Кe2—c3+ 23. Крf1—g1 a7 : b6 24. Фa3 — b4 Лa8 — a4 25. Фb4 : b6 Кc3 : d1, черные легко реализовали свой материальный перевес. Прекрасная игра 13-летнего мальчика!

Этот турнир стал для Бобби хорошей школой. Уже следующие соревнования показали, что он сумел из урока извлечь максимум пользы. Выиграв первое место на ближайшем открытом первенстве США, Бобби заставил всех напряженно думать о том, каков будет его результат в следующем первенстве США. Мнения разделялись: одни объясняли успехи Фишера слабой подготовкой противников, другие считали Бобби действительно хорошим мастером и предсказывали ему немалый успех. Так это и было: 14-летний мальчик победил сильнейших мастеров, набрав на одно очко больше, чем сам великий Решевский!

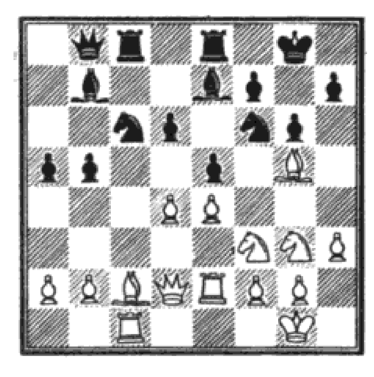
Этот успех открыл Бобби дорогу к большим турнирам. В последующие годы Фишер выигрывает четыре раза подряд первенство США, проходит отборочный межзональный турнир в Портороже и становится одним из кандидатов на встречу с чемпионом мира, а в турнирах в Цюрихе, Мар-дель-Плата, Сант-Яго и в Югославии, которые состоялись в 1959 году, занимает каждый раз хорошие места.

За успех в Портороже 15-летнему Бобби было присуждено звание гроссмейстера! А в нынешнем году Бобби показал, что он стал первоклассным мастером, который имеет все основания претендовать на первые места в самых блистательных турнирах. Два наиболее сильных по составу участников турнира — в Бледе и Стокгольме — Фишер проходит ровно и уверенно, не проиграв ни одной партии. У всех любителей шахмат еще свежи в памяти его достижения в Стокгольме, где Фишер победил с большим преимуществом, обогнав своих ближайших соперников на 2½ очка.

Игра Бобби Фишера отличается предприимчивостью и богатством комбинаций. Он рассчитывает варианты быстро и точно и поэтому даже в самой запутанной ситуации допускает очень мало ошибок.

Ахиллесовой пятой Бобби, как, впрочем, и большинства молодых шахматистов, долгое время была спокойная, позиционная игра. Это и понятно. Использованию маленьких позиционных преимуществ, лавированию в собственном стане, борьбе за стратегические, ключевые позиции куда труднее научиться, чем чистой комбинационной игре. То же самое можно сказать и об эндшпиле молодого гроссмейстера. В этой области он частенько допускал неточности, недостойные шахматиста такого класса. Вот пример из практики межзонального турнира в Портороже 1958 года, который может послужить доказательством вышесказанному:

РОССЕТО

ФИШЕР

Позиция характерна для испанской партии. Она требует обширных стратегических познаний, и Бобби еще не оказался на высоте. Опытный мастер решился бы на давление на ферзевом фланге и запер центр путем 20. d4—d5. Но Фишер в этой позиции начал «плавать» и сыграл 20. a2—a3, после чего, естественно, последовало 20... e5 : d4 21. Кf3 : d4 Кc6 : d4 22. Фd2 : d4 Лc8—c4. Белые внезапно оказываются в неуютном положении. После 23. Фd4 — d1 черные могли ходом 23... Кh5 добиться выгодных для себя упрощений, но они вместо этого продолжали 23... Кf6 — d7, и после дальнейшего 24. Сg5 : e7 Лe8 : e7 25. Лe2—d2 Лc4—c6 шансы сторон равны. Естественно предположить, что белые будут стараться как можно скорее избавиться от связки путем 26. Сb3, но Фишер продолжает играть с огнем. Ходом 26. b2 — b4 Фишер хочет зафиксировать слабость пешки b5 для эндшпиля, но это не получается. После 26... Фb8 — c7 27. Кg3— e2 a5 : b4 28. Кe2—d4 Лc6 — b6 29. a3 : b4 Фc7 — c4 под ударом оказывается пешка на b4, и Фишер в затруднении. Но как только в этой позиции появляются тактические возможности, Бобби снова на высоте. Путем 30. Сc2 — b3 Фc4 : b4 31. Лd2 — b2 он ограничивает сферу действия ферзя противника и угрожает 32. С : f7 +. После 31... Крg8 — g7 32. Лb2 — bl Сb7 : e4 33. Сb3 — c2 Сe4 : c2 34. Лc1 : c2 Фb4—a4 35. Лbl — al! Фa4 — b4 36. Кd4 — c6 Лb6 : c6 37. Лc2 : c6 позиция стала выгодной для белых, но реализация преимущества требует еще хорошей техники. Ею Бобби еще в то время не владел, и после игры с переменным успехом эта партия закончилась вничью.

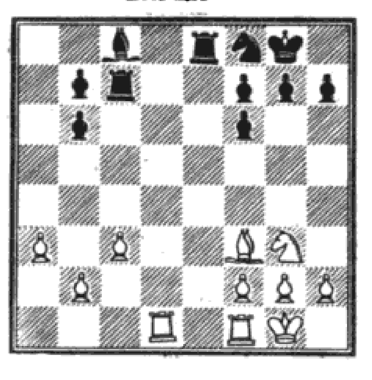
Тогдашнюю нехватку знаний позиционной игры и техники эндшпиля Фишер компенсировал почти всеобъемлющим знанием дебюта. Он изучал все партии, какие он мог только достать, и поэтому чувствовал себя в области новейших достижений в дебюте, как дома. Характерным примером в этом отношении является его партия против Решевского на первенстве США в 1959 году, в которой Бобби играл белыми. После ходов 1. e2—e4 c7—c5. 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. d2—d4 c5 : d4 4. Кf3 : d4 g7— g6 5. Кb1—c3 Сf8—g7 6. Сc1—e3 Кg8—f6 7. Сf1—c4 0—0 8. Сc4—b3 Решевский, ничего не подозревая, сыграл 8... Кc6 — a5?, после чего ответ 9. e4 — e5 Кf6—e8 10. Сb3 : f7+! застал его врасплох. Безразлично, как черные сыграют: в любом случае последует 11. Кd4 — e6! и черным придется отдать ферзя.

Фишер не был автором комбинации. Все это уже встречалось в партии Бастриков — Шамкович в чемпионате РСФСР 1958 года. Разница лишь в том, что Фишер изучил эту партию, а Решевский и понятия о ней не имел!

В дальнейшем Бобби стремится с помощью трудолюбия и жесткой тренировки избавиться от своих слабостей. И надо признать, что он добивается немалых успехов. Тому доказательство недавно закончившийся турнир в Стокгольме. Бобби Фишер там сыграл несколько партий в позиционном стиле, а также показал хорошую технику в области эндшпиля.

Нам хотелось бы обратить внимание на сыгранную Фишером в этом турнире партию с гроссмейстером Барца, который сам является превосходным знатоком эндшпиля. Но Фишер его переиграл очень убедительно, почти шутя.

БАРЦА

ФИШЕР

Для того, чтобы парировать угрозу Лd 6, Барца сыграл 22... Лc7—d7. Фишер совершенно правильно определяет, что слабость на ферзевом фланге будет тем чувствительнее, чем больше фигур удастся разменять. Поэтому следует 23. Лd1 : d7 Кf8 : d7 24. Кg3—f5 Кd7—c5 25. Кf5—d6 Лe8—d8 26. Кd6 : c8—Лe8:d8 27. Лf1—d1 Крg8—f8 28. Лd1—d4 Лc8—c7 29. h2—h3 f6—f5 30. Лd4—b4 Кc5—d7 31. Крg1—f1 Крf8—e7. 32. Крf1—e2 Крe7—d8 33. Лb4 — b5 g7 — g6 34. Крe2—e3 Крd8—c8 35. Крe3—d4 Крc8—b8 36. Крd4—d5 (еще быстрее выигрывало сразу 36. a4) 36... Лc7—c6 37. Крd5—d4 Лc6—e6 38. a3—a4 Крb8—c7 39. a4 — a5 Лe6 — d6 + 40. Сf3 — d5! Крc7 — c8 41. a5 : b6 f7 — f6 42. Крd4 — e3 Кd7 : b6 43. Сd5 — g8! Крc8 — c7 44. Лb5 — c5 +Крc7—b8 45. Сg8 : h7 Кb6—d5 + 46. Крe3—f3 Кd5—e7 47. h3—h4 b7—b6 48. Лc5—b5 Крb8—b7 49. h4—h5 Крb7—a6 50. c3—c4 g6 : h5 51. Сh7 : f5. У белых лишняя пешка, и они легко реализовали это преимущество. Превосходное техническое достижение!

Таков сегодня наш главный соперник. С ним всем нам предстоит напряженная борьба, и то, что и я и мои товарищи высоко ценим способности молодого гроссмейстера, с интересом наблюдаем за развитием его дарования, позволяет нам надеяться, что партии, сыгранные с ним, будут достойны турнира претендентов.

Мы хорошо знаем шахматные достоинства Фишера, знаем и недостатки. К ним в первую очередь относится ограниченный дебютный репертуар. В основном он состоит из испанского, сицилианского и староиндийского начал. Но ведь и Бобби хорошо знаком с нашими слабыми сторонами. Посмотрим, как он сможет использовать свои знания и накопленный опыт за шахматной доской в Кюрасао.

Таллин,
апрель 1962.

СКВОЗЬ ДВЕНАДЦАТЬ ВЕКОВ

Когда ты поднимешься на гору и окинешь взором чарующий пейзаж, раскинувшийся перед тобой, или когда, прильнув к окну вагона, залюбуешься далекими горами, ты невольно подумаешь: что-то похожее я уже видел, — хотя в Китае ты в первый раз. Картины художников? Да, и это. Но почему приходят на память строки стихов? Ду Фу! Это он ввел тебя в неведомый и прекрасный мир, словно бесконечный свиток, разворачивающийся перед глазами.

Стрекозы с прозрачными крыльями летят из неведомых далей; в легкой дымке вырисовывается речная отмель, где застыли в приятной дреме цапли; в траве звенит цикада; дикие гуси готовятся в путь; шумят воды, похожие на черную тушь и зеленую яшму; за высокими деревьями скрывается старинный храм с золотой пагодой; цветет персик, о чем-то задумчиво шепчет бамбуковая роща... Я думаю о пальмах и о людях, говорил Ду Фу. В этом сила и слава его поэзии. Он всегда думал о людях.

Ду Фу не понаслышке знал народную жизнь. Часто трудно даже определить, где кончается повествование о собственной жизни поэта и где идет рассказ о его современниках.

Родился Ду Фу в пору расцвета танской империи (VII—IX века), расцвета экономики, науки, искусства. И особенно литературы. Эта эпоха оставила потомкам около 50 тысяч стихов более чем двух тысяч поэтов. Ду Фу среди них — один из первых, и не только среди них, но и в истории всей китайской литературы.

Нелегко сложилась его жизнь. Чиновничья карьера не принесла ему ни славы, ни достатка. Нужда и болезни были неизменными его спутниками много лет. В юности он еще был в плену прекраснодушных иллюзий о гуманном правителе и не всегда замечал трагическое в жизни, завороженный красотой родного края, великой поэзией предшественников, юношеской жаждой подвига.

Шли годы, и многое открывалось сердцу поэта. Когда в 755 году вспыхнул мятеж полководца Ань Лушаня, разом вскрывший всю гнилость и непрочность императорской власти, когда противоречия феодального Китая достигли особенной остроты, поэзия Ду Фу начинает звучать по-новому. И тогда-то рождается поэт-правдолюбец, защитник нищих и обездоленных. Конечно, поэт и раньше замечал подлость и продажность придворной верхушки, конечно, и раньше сталкивался он с крестьянским горем.

Но теперь пламя пожаров, скорбь народа, стонущего под гнетом невыносимых налогов, голода и смерти, обожгли его душу. Социальная тема заняла в его поэзии главное место.

Во многих стихах поэт гневно осуждает войну. Ему больно видеть, как льется на поле боя кровь солдат, а государь стремится расширить свои владения. Ду Фу мечтает переплавить доспехи воина на орудия труда, чтобы перепахать ими все земли страны.

Ду Фу был великим патриотом. Как пишут китайские литературоведы, для Цюй Юаня и Ду Фу любовь к родине была просто потребностью их натуры. Эти люди безраздельно отдали себя народу, и в их сердцах не было ни грана корыстных устремлений.

Вот почему в стихах Ду Фу, созданных в тяжелые годы нашествий кочевников, мы встречаем взволнованные строки о верности долгу, о защите своей страны, ибо «если ты знаешь, воин, что родина за тобою, помни о грозной клятве» (перевод А. Гитовича).

Поэт пробуждал в людях «чувства добрые», он любил свой народ, любил, как сын любит своего отца. Нельзя без радостного изумления читать стихи «О том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины» — печальную повесть о бедном старике, который тщетно пытался согреться под своим дырявым одеялом, а дождь безжалостно заливал его постель, потому что камышовую крышу унес ветер. Но как звонко и гордо звучит голос поэта в заключительных строках, проникнутых гуманизмом и верой в будущее:

О, если бы
Такой построить дом,
Под крышею
Громадною одной,
Чтоб миллионы комнат
Были в нем
Для бедняков,
Обиженных судьбой...
Тогда —
Пусть мой развалится очаг,
Пусть я замерзну —
Лишь бы было так.

Перевод А. Гитовича.

Эти строки написаны двенадцать веков назад, но они пришли в наш век, потому что сердце поэта не умирает.

1 250 лет исполняется со дня рождения Ду Фу. И китайский народ с удивлением смотрит на эту внушительную цифру, которая никак не соответствует близости Ду Фу нынешнему поколению, ибо никогда не зарастала народная тропа к замечательным книгам великого поэта.

Л. ЧЕРКАССКИЙ

Наконец-то жюри, столько времени хранившее молчание, может откровенно, от души выразить свои чувства и хоть один раз за весь конкурс наградить победителей аплодисментами.

ПО ЗАВЕТ

Каждый диплом подписывает весь «скрипичный олимп». Сейчас свою подпись ставит композитор Арам Хачатурян.

Когда конкурс скрипачей закончился. ...Йоко Кубо у памятника Чайковскому.

И. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ

Наконец-то у любителей музыки началась спокойная жизнь. Не надо гадать, где будет сегодня интереснее: у виолончелистов в Колонном зале или у скрипачей в Большом зале консерватории, у пианистов утром или у скрипачей вечером. Слушатели стали опытными, они знают, что длинная биография в буклете участников конкурса с перечислением всяческих колледжей, соревнований и наград не всегда залог победы. Посмотрите на фото победителей-скрипачей, и вы поймете, что победили не самые опытные, а послушав их, убедитесь, что зато самые талантливые.

Итак, москвичи безраздельно отдали себя в плен пианистам.

А как же скрипичный и виолончельный конкурс? Они стали уже музыкальной историей? На этот вопрос лучше всего могут ответить жители Ленинграда и Луганска, Тбилиси и Киева, Риги и Ташкента, Минска и Донецка... Те, что сейчас в концертных залах, Дворцах культуры своих городов слушают выступления молодых музыкантов и присоединяют свой голос к решению жюри.

Конкурс Чайковского распространился — и теперь уже не только по эфиру — за пределы столицы, за пределы страны. В день, когда были объявлены премии, телеграммы, открытки с видом гостиницы «Украина», письма с маркой «Конкурс Чайковского» полетели в разные концы мира. Их посылали самые счастливые люди на земле — только что объявленные лауреаты, их получили самые счастливые люди на земле — родители награжденных. И в Казани, в доме рабочего Бочкова, и в Израиле, в маленькой заваленной поломанными велосипедами мастерской механика Ашкенази; в аптеке фармацевта Кубо, что приютилась на дальнем японском острове, в семьях других лауреатов наступил праздник, радость, счастье. Вскоре последовали и сотни поздравлений — письменных и устных, от знакомых и незнакомых.

Вернулись к себе домой знаменитые маэстро, заседавшие в жюри, и молодые музыканты, что на сей раз не получили премий. Все они рассказывали о конкурсе, делились своими впечатлениями, радостями. Ведь результаты конкурса не только премии. Главное — это встречи, обмен опытом, всевозможные контакты. А они встретились здесь с замечательными советскими композиторами — Шостаковичем, Хачатуряном, Кабалевским — и увезли полученные в подарок ноты с их автографами; они слушали друг друга — значит, слушали лучших молодых музыкантов мира; они узнали мнение о себе прославленных маэстро.

В этом соревновании не было побежденных. Просто уровень исполнительского мастерства настолько высок, что не каждый смог стать победителем. Как ни прибавлял Оргкомитет премий, их не могло хватить всем одаренным, талантливым. Но это не беда. Ведь для каждого музыканта главное — музыка, а она здесь царила и всегда побеждала.

Петр Ильич Чайковский стремился к творческой дружбе с зарубежными композиторами и исполнителями. Международный конкурс имени Чайковского — воплощение заветов великого композитора.

У подъезда Московской консерватории.

Конкурс пианистов в разгаре. Играет Джозеф Беновец (США).

АМ ЧАЙКОВСКОГО

Вот они, победители! Борис Гутников — I премия (СССР), Ирина Бочкова — II премия (СССР), Шмуэль Ашкенази — II премия (Израиль), Йоко Кубо — III премия (Япония), Нина Бейлина — III премия (СССР).

ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

Борис ЛАСКИН

До чего же он был правильный человек, этот Волобуев!.. Каждое утро без пяти девять он появлялся в коридоре, ровно в девять за ним закрывалась обитая клеенкой дверь с табличкой: «Отдел кадров».

Краснолицый, бритый наголо, в давно вышедшем из моды полувоенном костюме, Волобуев был строг, даже суров. «Имейте в виду, я вас всех вижу насквозь. Всех вместе и каждого в отдельности»,— говорил его пронзительный, осуждающий взгляд.

Как-то у нас в клубе был конкурс на лучшее исполнение современных танцев. Первый приз получили инженер Михалев и машинистка Вика Воронина. На следующий день, выступая на профсоюзном собрании, Волобуев между прочим сказал:

— Я думаю, что товарищ Михалев и проходившая с ним по одному танцу Воронина, вместо того чтобы принимать поздравления, должны как следует призадуматься. Не этому их учило государство. Не большая заслуга в наши дни побойчей других сплясать фокстрот. Невелика мораль, товарищи, выносить свои личные объятия на коллектив. К слову сказать, я вчера ночью поднял словарь и имею некоторые данные. Фокстрот в переводе с иностранного означает — лисий шаг. Нет, товарищи, нет!.. Нам идти вперед не лисьим шагом. Лиса — это хитрость. А нам хитрить не к чему. Я думаю, товарищи, это всем ясно.

Неделю спустя механик Шумилин, получив квартиру в новом доме, весело отпраздновал с друзьями новоселье. Назавтра в буфете к Шумилину подошел Волобуев и, ехидно усмехаясь, сказал:

— Нарзанчик пьете, товарищ Шумилин? Освежаетесь после вчерашнего? Я, конечно, у вас в гостях не присутствовал, но имею сведения, что вы выдали вчера! Во дворе хоровод вертели, исполняли «Я цыганский барон»...

— Что правда, то правда. Было,— улыбнувшись, подтвердил Шумилин.

— И что же, красиво это? Если вы цыганский барон, то вам, конечно, все простительно. Но вы, судя по анкете, механик, а это совсем другая статья. Какой же вы пример людям подаете? Не для того мы новые дома строим, чтобы на виду у коллектива пьянство разводить!

— Какое пьянство? — возмутился Шумилин.

— Обыкновенное. Давайте, товарищ Шумилин, об морали забывать не будем. Мораль для нас все! Понятно?..

Шумилин отставил недопитую бутылку нарзана и молча вышел.

На прошлой неделе завком организовал массовый культпоход в цирк. Представление уже началось, когда мы увидели Волобуева. Он сидел в первом ряду, невозмутимо слушая клоунские репризы. Волобуев не смеялся.

Второе отделение открыл артист — создатель аттракциона «Чудеса без чудес». Артисту помогала современная техника. Это было очень интересно.

Артист достал из кармана фрака никелированную палочку.

— Попрошу внимания! — сказал артист.— В руках у меня, как видите, простая металлическая палочка. Но она не простая. Она волшебная. С помощью этой палочки каждый желающий может прямо отсюда поговорить с членами своей семьи, которые сейчас находятся у себя дома...

Артист поднялся на барьер манежа и направил палочку на Волобуева.

— У вас есть дома телефон?

— А какое это имеет значение? — строго спросил Волобуев.— Ну, есть...

— Прекрасно. Прошу вас, назовите вслух его номер!

Волобуев пожал плечами.

— Три, двадцать пять, двадцать восемь.

— Внимание! — сказал артист.

После короткой паузы, откуда-то из-под купола цирка раздались громкие редкие гудки, щелчок снятой трубки и женский голос:

— Я слушаю.

— Говорите,— сказал артист,— прошу вас.

— Лиза, это я,— несколько удивленно произнес Волобуев.

— Ну, что тебе? — раздраженно спросил голос из-под купола.

Волобуев, подозрительно глянув на артиста, сказал:

— Я говорю с тобой из цирка...

— Что? Опять надрался?..

В зале засмеялись. Это было интересно. «Правильный» Волобуев раскрывался с весьма неожиданной стороны.

— Не болтай глупости! — строго сказал Волобуев.— Я с тобой разговариваю через волшебную палочку...

— Так и есть, опять напился, как свинья, даже не соображаешь, что говоришь.

В зале начался хохот. Волобуев, испуганно глядя на артиста, замахал рукой.

— Слышу, какое у вас там веселье в забегаловке,— прогремел из динамика женский голос.— Господи, когда это наконец кончится? Сил моих больше нет!

— Прошу прекратить это безобразие! — адресуясь к артисту, крикнул Волобуев.

— Ты это кому говоришь? — раздался из динамика властный голос супруги Волобуева.— Вот завтра же пойду к тебе на работу и все расскажу. Пусть про твои художества народ узнает!.. Вы там не смейтесь, алкоголики несчастные!..

Смех вспыхнул с новой силой.

Артист дал знак, и нестройно вступил оркестр. Смычковые еще как-то играли, а медные не могли начать: их душил смех.

Волобуев встал и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Артист смущенно кланялся, держа в руке свою волшебную палочку.

РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Олег ШМЕЛЕВ

Раньше я не знал, что у моего сослуживца Вадима Иннокентьевича, которого мы все звали для краткости Вакентьичем, такой характер. Я узнал его ближе, когда нас с ним вдвоем послали в командировку.

Дело было прошлым летом. Мы должны были объехать несколько объектов, на которых осуществлялись проекты нашего института. В числе этих объектов был новый город, совсем новенький, с иголочки, даже, кажется, еще и без названия.

С той стороны, откуда мы ехали, попасть в город можно было только по воде — через озеро.

Хозяин лодки, к которому мы обратились, заломил за фрахт немыслимую рыночную цену, но мы не чинились: выхода не было — и, узнав, в каком месте на том берегу оставить лодку, расплатились и отчалили.

День стоял жаркий. Плыть нам предстояло километра два, и, чтобы сочетать приятное с полезным, мы решили позагорать, а для этого, естественно, разделись до трусов. Костюмы с завернутыми в них башмаками сложили на носу плоскодонки.

Вакентьич, по своему обыкновению, брюзжал. На солнце, на озеро, на хозяина лодки и на новый город, сверкающий на том берегу светлыми кубиками своих зданий. Когда Вакентьичу наступала очередь садиться на весла, я отдыхал. И физически и морально. Потому что одновременно грести и брюзжать Вакентьич не мог: ему дыхания не хватало.

До берега оставалось всего метров сто, когда случилась катастрофа. Не успел Вакентьич до конца выругать озеро за то, что оно такое тихое и гладкое, как накатила громадная волна и опрокинула нашу плоскодонку.

Мы очутились в воде. Это было даже приятно, но нас, как говорится, объял ужас: наши туго скатанные костюмы камнем ушли на дно. Там было все — документы, деньги... Но самое главное — на берегу нас ждал позор.

Парни и девчата, делавшие набережную, видели все. Они смеялись над нами вполне здоровым смехом.

Делать было нечего. Мы стыдливо ступили на берег.

Они окружили нас и засыпали вопросами. Узнав, что мы командированные, и вникнув в наше бедственное положение, молодые люди страшно обрадовались.

— Ребята, это же как раз то, что мы ищем! — воскликнул парень со светлыми волосами.— С них мы начнем!

И все кинулись нас целовать. Их радости не было предела. Мы с Вакентьичем решительно ничего не понимали. Что за энтузиазм?!

Парни остановили проезжавший мимо грузовик и вскочили в кузов.

— Сейчас все будет в порядке,— успокоила нас девушка с черными глазами.

Через десять минут грузовик вернулся. Сияющие парни привезли нам из города костюмы, ботинки, носки, рубахи. Все было новенькое и сшито как на заказ.

А дальше началась сплошная фантастика.

Директивный поцелуй

Ф. ЧАЩИН

Пришла весна. С каждым днем все больше зеленели аллеи старого парка. Тянулись к щедрому солнцу и торопливо распускались цветы. А по вечерам появлялись и влюбленные. Их, задумчивых и молчаливых, сразу можно было узнать по тому, как они старались уединиться на укромных скамейках или у раскидистых деревьев. Заведующая районным отделом культуры Анна Ивановна Кукушкина заметила, что некоторые из них даже целуются.

— Надо повести решительную борьбу с этим мещанским уклоном,— твердо заявила она.

Секретарь райкома партии Степанов ценил хорошую шутку. Выслушав Кукушкину, он засмеялся:

— Против этого лекарства нет.

Но Кукушкина вовсе не собиралась шутить.

— Найдем,— серьезно заверила она и рьяно принялась за дело.

Возле каждой скамейки вскоре красовался броский плакат:

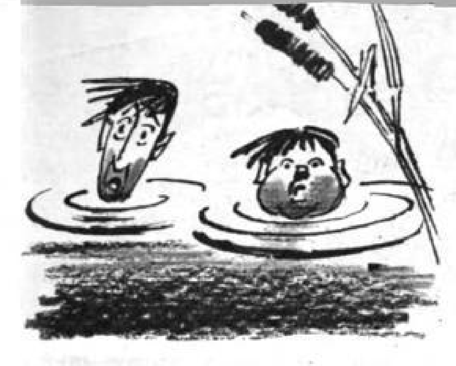
«Граждане, помните! Грипп — заразная болезнь. Она передается через рукопожатие и поцелуй...»

Молодые граждане предупреждались также, что «ангина, туберкулез, рак и множество не менее грозных недугов распространяются именно через поцелуй».

Вдоль аллей рядом с табличками «Траву не мять», «По газонам не ходить» появились объявления, строго предупреждающие: «За поцелуй — штраф».

Анна Ивановна была крайне удивлена: после принятых мер целоваться продолжали.

— Здесь действовать надо более решительно, по существу,— посоветовал ей старый холостяк и острослов, инструктор Павел Иванович Задворкин.— Я заметил между прочим, уважаемая Анна Ивановна, что во всех кинокартинах целуются. Смекаешь, какой это пример для молодежи? Не знаю, как вы, но я бы прямо сказал —

Нас поместили в прекрасной гостинице! Нас бесплатно кормили и поили! Нам выдали новые паспорта и не потребовали для этого никаких справок! К нам ходили делегации от профсоюзных организаций, и каждая делала какой-нибудь подарок. Если бы в городе имелись октябрята и пионеры, они тоже наверняка посетили бы нас, но их еще не имелось, потому что город-то новый.

Мне все это, грешным делом, нравилось, а Вакентьич брюзжал. Ему, видите ли, хотелось вернуть себе тот старый костюм, который утонул. Его отговаривали: мол, зачем он вам, новый же лучше,— но он стоял на своем.

Однако чем же объяснялось такое необычное отношение к нам? Очень просто: мы оказались первыми гостями нового города. На нас горожане решили заложить свою традицию — ведь каждый солидный город имеет традицию. А этот выбрал своей главной традицией безграничное гостеприимство. В горисполкоме уже была заведена большая книга почетных гостей, и первыми подписями в ней должны были стать наши.

Все испортил Вакентьич. Он в конце концов добился своего: наши костюмы были извлечены со дна озера. Их отдали в химчистку. А когда получили обратно, на костюме Вакентьича обнаружилось громадное пятно химического происхождения. И вместо того, чтобы расписаться в книге почетных гостей, Вакентьич сделал гневную запись в книге жалоб.

Так благодаря Вакентьичу в новом городе родилась традиция, старая, как идея жалобной книги.

разлагающий,— добавил он, глядя в окно и кусая губы, чтобы сдержать улыбку.

— Что же ты молчал раньше? — воскликнула Кукушкина.— Вот и жди от вас помощи. Все я должна предусмотреть. Сейчас же спущу директиву киномеханикам.

В тот же вечер в районном Доме культуры, а спустя два дня и в сельских клубах киномеханики по указанию Кукушкиной стали закрывать объективы аппаратов ладонью, когда дело доходило до поцелуев. Целоваться было запрещено также во всех пьесах, которые самодеятельные коллективы готовили к праздничным дням и районному фестивалю. Тем не менее по вечерам Кукушкина, проходя через парк, то и дело замечала целующихся.

«В чем дело? — ломала она голову.— Кажется, вроде бы все сделано, чтобы пресечь это безобразие...»

Как-то вечером, проходя мимо одного дома, она подозрительно присмотрелась к стоявшей в тени парочке. Так и есть. Молодые люди целовались! Анна Ивановна не могла стерпеть этого нарушения нравственности. «Что за безобразие! — возмутилась она.— Ведь в этом доме живет секретарь райкома. Еще, чего доброго, увидит».

— Товарищи...— резко начала она, подходя к целовавшейся парочке.

— Анна Ивановна? — Влюбленный обернулся, и Кукушкина узнала в нем секретаря райкома.— Вам, значит, тоже не спится? Все волшебница-весна...

Кукушкина схватилась за сердце и заспешила домой.

«Конечно, человек он неженатый, но секретарь же! Неужели по этому поводу есть директива?»

В эту ночь Анна Ивановна не могла заснуть. А тут еще, как назло, лунный свет заливал комнату и в распахнутую форточку врывался пьянящий аромат сирени...

В РОЛЯХ:

ОН — артист О. ТАБАКОВ.

ОНА — артистка Л. КРЫЛОВА.

Постановка И. Абрамского, Ю. Андреева и О. Кнорринга.

ВЕСЕННИЙ РАЗГОВОР

— Решено! Сейчас же позвоню и все ей скажу!

— Странно... Почему он молчит?

— Анечка! Вы должны знать, что я вас...

— Ничего не понимаю. О чем это вы?

— Гмм... Как лучше объяснить?.. Я вас...

— Не понимаю! Говорите яснее...

— Что, не слышно? Поймите, я вас люблю!

— Повторите еще раз!..

— Опять не слышно? Я вас л-ю-б-л-ю! По буквам: Леонид, Юля, Борис, Леонид, Юля! Люблю!

— Повторите еще раз!..

— Что делать? Все пропало! Она не слышит! Да поймите, наконец, я вас люблю! Очень люблю!

— Чего вы так кричите?

— Вы же сказали, что не слышите!

— Нет, мне просто хотелось, чтобы вы несколько раз повторили это чудесное слово...

— Анечка! Люблю! Люблю! Люблю!

— Вот теперь слышимость отличная!..

ТМО

Театр миниатюр «Огонька»

БЫВАЕТ И ТАК

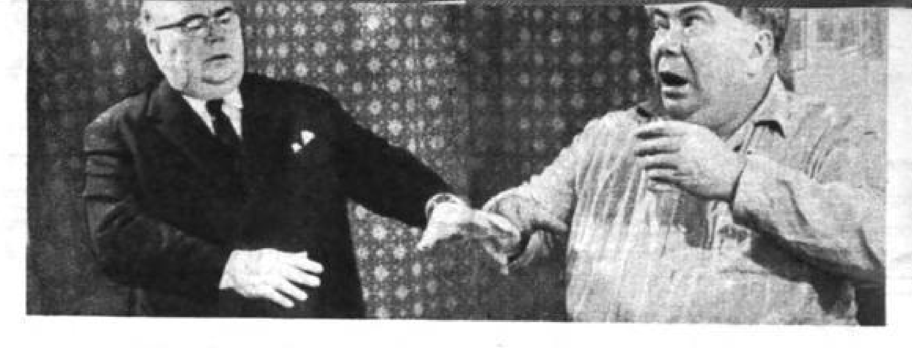
В РОЛЯХ:

МАМОЧКИН — народный артист СССР М. М. ЯНШИН.

Его второе «Я» — ОН ЖЕ.

Постановка И. Абрамского и О. Кнорринга.

1. Мамочкин: — Еще одну — последнюю!

2. Но в эту минуту в Мамочкине проснулось его второе «я» и властно сказало: «Точка! Пропадешь, брат!»

4. Второе «я»: — А ведь ничего! Давай чокнемся!

5. «Шумел камыш...»

Польские юморески

НАШ ОРКЕСТР

Генрик БАРДЗИЕВСКИЙ

У нас на фабрике есть свой оркестр. Небольшой, симфонический. Пока в нем играли лишь представители физического труда, это был духовой оркестр. Смычковые инструменты появились с приходом служащих.

Работники умственного труда желали находиться поближе к дирижеру. Из-за первой скрипки сразу поссорились плановик с главбухом. Дело дошло до директора, и он, рассудив что к чему, решил занять место первой скрипки лично. Конечно, при условии, что дирижер будет иметь при нем только совещательный голос. Плановый отдел занял места вторых скрипок, а бухгалтерия была принята в оркестр на положение альтов. Счетоводы удовлетворились кларнетами, отдел сбыта получил фаготы, отдел кадров — басы и контрабасы.

Начались репетиции. Первая скрипка вступала всегда первой и старалась быть на два такта впереди. За нею сразу же следовали кларнеты, за кларнетами — контрабасы, а вторые скрипки и альты делали все возможное, чтобы заглушить друг друга.

За смычковыми тащились духовые и ударные. Нелегко приходилось с нами дирижеру!

Случалось, что, пренебрегая общим симфоническим звучанием, смычковые подыгрывали налево. Преуспевали в этом главным образом скрипки, которые захватывали все лучшие мелодии; кое-что перепадало и альтам, но на долю духовых приходилось уже немного. А литаврам и барабанам не доставалось ни одной ноты, и они только изредка что-то бубнили.

Надо признаться, что в некоторых симфониях отдельным духовым инструментам удавалось поднять голос. Тогда смычковые, окончательно заглушенные, вынуждены были выслушивать, что о них думает большая часть оркестра. Случалось это, впрочем, редко и особенных результатов не приносило. Сразу же в мелодию врывался директор со своими первыми скрипками, а за ним все работники умственного труда, и поднимался невероятный ералаш. Несыгранный был у нас оркестр, что говорить!

Доходило до того, что дирижер выделял смычковые инструменты в самостоятельный струнный ансамбль. Но играли они нескладно, потому что согласия между ними не было.

Потом начались сокращения. В первую очередь сократили барабан, пару валторн, английский рожок. Но этот маневр не спас смычковые инструменты, хотя они и были укомплектованы кадрами административного аппарата. Многие скрипки, чтобы не остаться вне оркестра, вынуждены были переквалифицироваться в духовые, что, впрочем, не улучшило звучание оркестра.

На днях произошел скандал. Взбешенный дирижер сломал свою палочку и грозился, что распустит оркестр на все четыре стороны, если мы не исправим свои характеры.

В ответ из рядов первых скрипок поднялся директор и сказал:

— Товарищ дирижер, мы играем, как работаем. Надеюсь, что вы не хотите, чтобы мы из-за какого-то дурацкого оркестра изменили стиль работы всей фабрики?..

К сожалению, дирижер хотел именно этого, и наш оркестр распался.

ГИПНОЗ

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

Несколько недель назад Варшавское телевидение передавало интересную программу, посвященную гипнозу. Посмотрев передачу, мы с Зызей решили усыпить Безпальчика, поскольку всегда отличались стремлением к передовым экспериментам науки.

— Ложись на тахту,— сказал Зызю.

Безпальчик лег.

— Сейчас ты уснешь,— продолжал Зызю.— Это будет сон хороший и легкий. Расслабь мускулы.

Безпальчик расслабил.

— Я буду считать до тридцати,— сказал Зызю.— После этого ты уснешь.

— Хорошо,— согласился Безпальчик.

Зызю сосчитал до тридцати. Мы посмотрели друг на друга понимающе. Безпальчик лежал без движения.

— Сон углубляется,— сказал Зызю.— Очень хорошо. Теперь проверим, имеем ли мы с ним контакт.— Он наклонился над Безпальчиком и приказал: — Подними правую руку.

Безпальчик поднял руку.

— Видишь! — воскликнул Зызю.— Он реагирует на приказы. Оказывается, это вовсе не трудно.

— Я уже могу опустить руку? — неожиданно спросил Безпальчик.

— Что? — удивились мы.

— Я хотел бы опустить руку, потому что она немеет,— объяснил Безпальчик.— Мне так лежать неудобно.

— Почему ты не спишь? — рассердился Зызю.

— Потому что мне не хочется,— сказал Безпальчик.— Меня тоже интересует опыт.

— Так почему ты поднял руку, если не спишь?

— Ты просил — я поднял.

— Пожалуйста, без ссор,— вмешался я.— Будем продолжать опыт.

Зызю снова начал считать вслух. Досчитал до десяти тысяч и устал. Потом считал я, потом опять Зызю. Когда счет дошел до тридцати восьми тысяч четырехсот восьмидесяти двух, Безпальчик начал храпеть.

Таким образом, эксперимент все-таки удался. Усыпить кого-нибудь при помощи гипноза — дело не такое уж трудное, как это может показаться на первый взгляд. Нужны только сноровка и терпение.

Перевел с польского Н. Лабковский.

Рисунки Ю. Черепанова.

3. Мамочкин: — Ну, последнюю! И ты выпей за компанию!..

6. И долго пыхтел Мамочкин, пытаясь доставить в кровать свое второе, неожиданно развеселившееся «я»...

САМООБСЛУЖИВАНИЕ

Так назвали веселую рубрику сатирического журнала «Дикобраз» наши чехословацкие друзья. Ведут ее, как это ни удивительно, читатели.

«Веселите себя сами»,— предложил журнал, и они охотно согласились. Из россыпи «непрофессионального юмора» профессиональные сатирики отбирают лучшее и под забавным и непривычным заглавием «Самообслуга» помещают в журнале.

Мы публикуем несколько шуток из этой рубрики. Судите сами, каково самообслуживание в сатирическом цехе.

Материнская радость — это чувство женщины, когда все ее дети уже спят.

Письмо с дачи, во время каникул:

«Мы ходили в лес. Бабушка собрала две корзины черники, мама — 30 белых грибов, а мы с братом — 10 килограммов металлолома...»

...И т. д.— сокращение, которое мы употребляем, чтобы дать понять, что знаем больше, чем знаем.

— Мне бы что-нибудь из безалкогольных, — просит шофер официанта.

— Лимонад, сок, минеральную?

— Все равно, я в этом деле новичок.

Муж вернулся домой и, увидав, что квартира убрана, рассердился:

— Зачем ты вытерла пыль с моего стола, там же были записаны номера телефонов!

Гражданин жалуется:

— Ужасно, половину рабочего дня приходится стоять за билетами на хоккей!

Ученики писали сочинение на тему «В гостях у бабушки». Самое короткое: «Бабушки не было дома».

Исчезла жена. Муж обратился в милицию. Там ему предложили сделать подробное описание ее внешности.

— Хорошо, только поклянитесь, что оно никогда не попадет к ней в руки!

Если кто-нибудь обещает «разукрасить» вам физиономию, это не значит еще, что он хулиган. Это может быть и фотограф.

— Молоко свежее?— строго спрашивает покупательница.

— Доярка еще стоит у дверей и спрашивает, как оно вам нравится,— любезно отвечает продавщица.

— Алло! Алло! Говорит Фогг Диктусо. По буквам: футбол, офсайт, гол, еще один гол — Фогг. А как вы догадались, что я болельщик?

Автомеханик советует владельцу машины:

— Масло еще хорошее, а вот автомобиль пора менять.

Расходы по костюмам нового фильма, снятого в Мексике, составляют 2 доллара 63 цента. Фильм называется «Адам и Ева».

— Я хотел бы купить одного из этих попугаев.

— Вам придется купить обоих: один говорит, другой переводит.

Химик хвастает: «Мой сын сегодня сказал первое слово: парааминоарсенобензенгидрохлорид!».

«Уважаемое телевидение!—пишет в студию огорченный отец.— По вашей вине мои дети перестали ложиться вовремя спать. Поэтому, будьте добры, сделайте хотя бы так, чтоб они вовремя вставали, и организуйте передачи на 7 часов утра».

Директор — секретарше:

— Будьте добры, пошлите ко мне домой телеграмму, чтобы дочка на минутку оставила телефон, мне надо поговорить с женой.

У парикмахера:

— Сбрейте мне, пожалуйста, сначала левый ус, я посмотрю, идет ли мне вообще ходить без усов.

Перевела с чешского В. ПЕТРОВА.

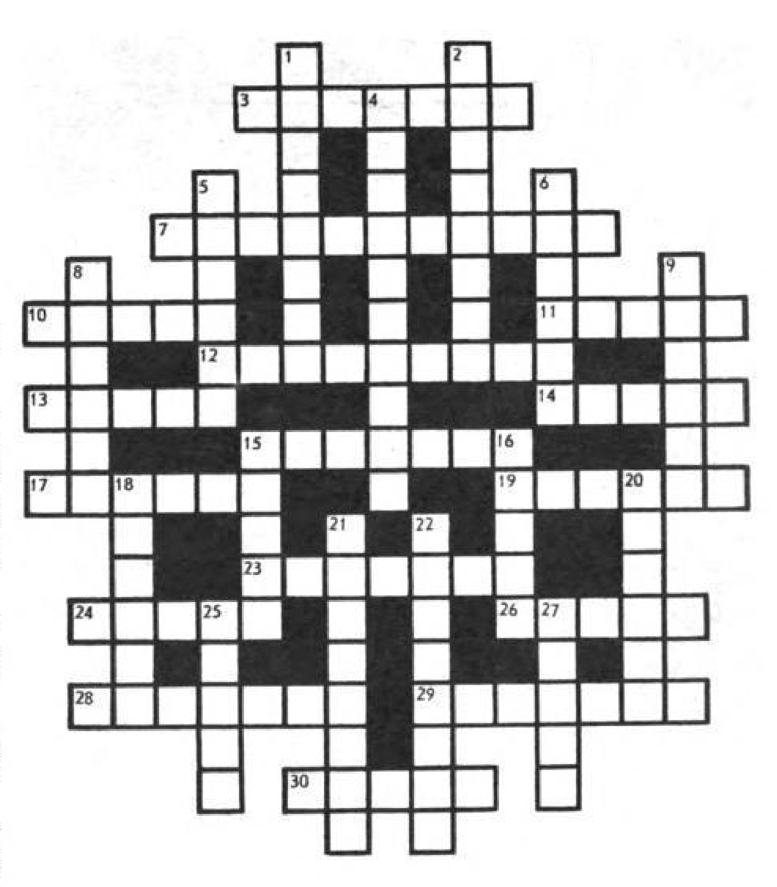
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Автор картины «Весенний день». 7. Прибор для определения удельного веса молока. 10. Город в Эстонии. 11. Заглавие книги. 12. Гора на Среднем Урале. 13. Кинокомедия Г. Александрова. 14. Лиственное дерево. 15. Мастер художественного чтения. 17. Комическая кукла. 19. Гриб. 23. Специалист с высшим образованием. 24. Герой сатирического романа Я. Гашека. 26. Персонаж поэмы А. С. Пушкина. 28. Прибрежная полоса, затопляемая разливом. 29. Лауреат 1-го Международного конкурса имени П. И. Чайковского. 30. Рассказ И. С. Тургенева.

По вертикали:

1. Музыкальный инструмент. 2. Песня М. Блантера на слова М. Исаковского. 4. Советский композитор. 5. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 6. Литературное произведение небольшого размера. 8. Аттракцион. 9. Пьеса Р. Шеридана. 15. Актер, исполняющий смешные роли. 16. Столица африканского государства. 18. Белорусский поэт. 20. Немецкий шахматист, экс-чемпион мира. 21. Украшение из драгоценных камней. 22. Насос для питания паровых котлов. 25. Государство в Азии. 27. Поэма В. Маяковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

3. Куропатка. 5. Войлок. 6. Тайфун. 8. Треугольник. 12. Поступь. 15. Кларнет. 16. Тюленин. 17. Аристофан. 18. Альпинизм. 21. Ташкент. 23. Пигмент. 24. Стеллит. 27. Кюхельбекер. 28. Кубань. 29. Фиалка. 30. Пожарский.

По вертикали:

1. Пуловер. 2. Украина. 4. Прокофьев. 5. Высота. 7. Ноябрь. 8. Теплотехник. 9. Культиватор. 10. Шотландия. 11. Лейтмотив. 13. Кюрасао. 14. Шиллинг. 19. Скульптор. 20. Смычок. 22. Плашка. 25. Ахундов. 26. Актиний.

На первой странице обложки: фотокомпозиция И. ТУНКЕЛЯ.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00466. Подписано к печати 25/IV-62 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 554. Заказ 1121.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В недалеком будущем. У наглядного пособия. **Рисунок И. Сычева.**

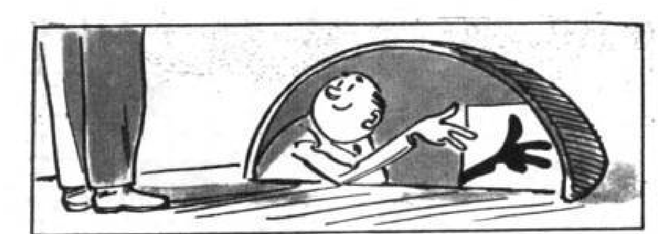
Комиссия принимает дом. — Ну, а кто против?

Рисунок Р. Овивяна.

— Ты войдешь домой только через мой труп!

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Суфлёр в театре теней.

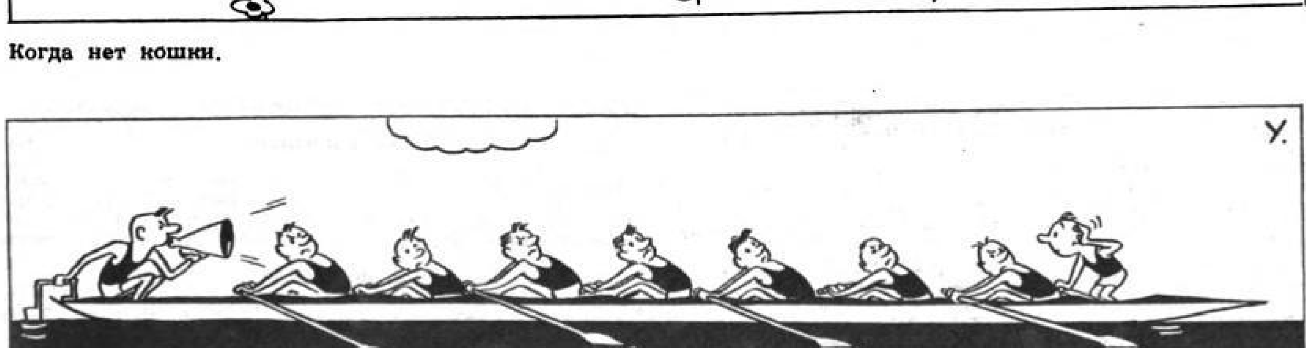
Рисунок К. Невлера.

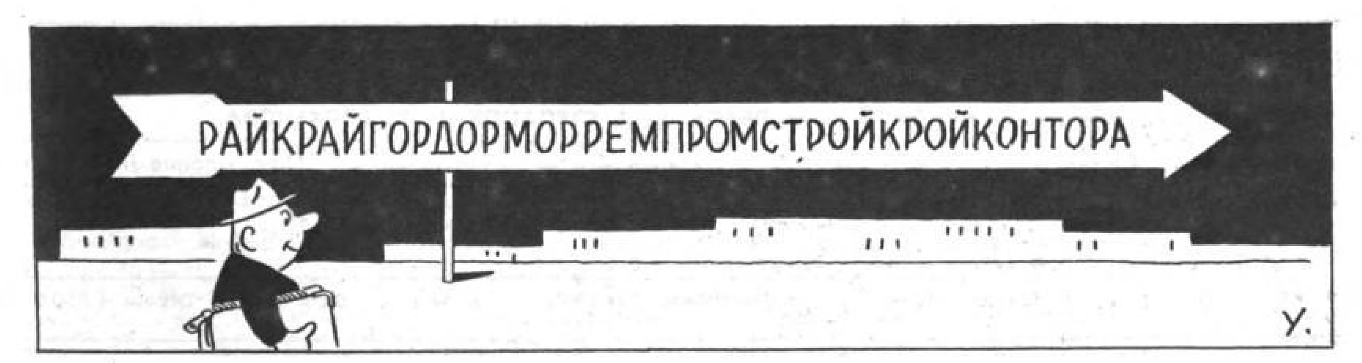
ДЛИННЫЙ ЮМОР **Рисунки М. Ушаца.**

Когда нет кошки.

— Раз, два... раз... **— А?..**

Без слов.

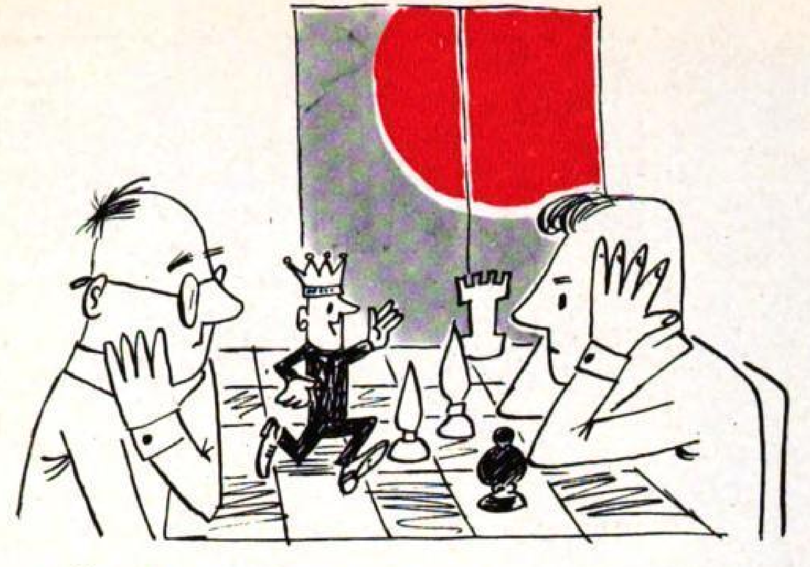
Дрессировщик:
— Голос!

Рисунок К. Невлера

Третий лишний.

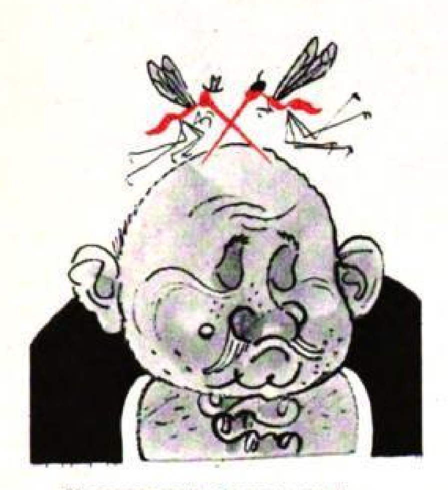
Рисунок Е. Данилова.

— Извините, меня ждет королева.

Рисунок В. Сигачева.

Комариный брудершафт.

Рисунок Вл. Гальбы.

— К сожалению, дальше дорога будет труднее.

Рисунок Р. Матюшина.

Проект кабинета для любителей подхалимажа.

Рисунок Ю. Черепанова.

Засиделся.

Рисунок Р. Матюшина.

Находчивость.

Рисунок Р. Оивяна.

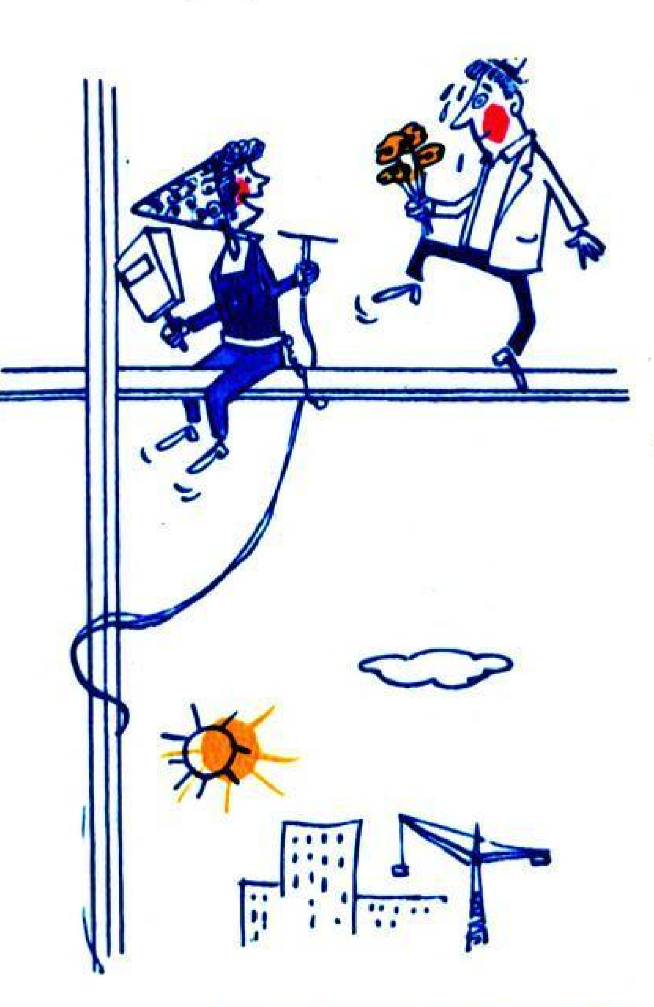

Рисунок **Ренато Гуттузо.** Рим

Рисунок **Ю. Черепанова.**

Цена номера 30 коп.

— Я начинаю верить, что вы меня действительно любите.
Рисунок Р. Овивяна.

Огнетушитель-перестраховщик:
— Пожар! Горит! Туши!
Рисунок М. Ушаца.

← Рисунок Рауля Вердини. Рим.

Старт весны. Рисунок Вл. Гальбы.

Весенние заботы. Рисунок Л. Самойлова.

